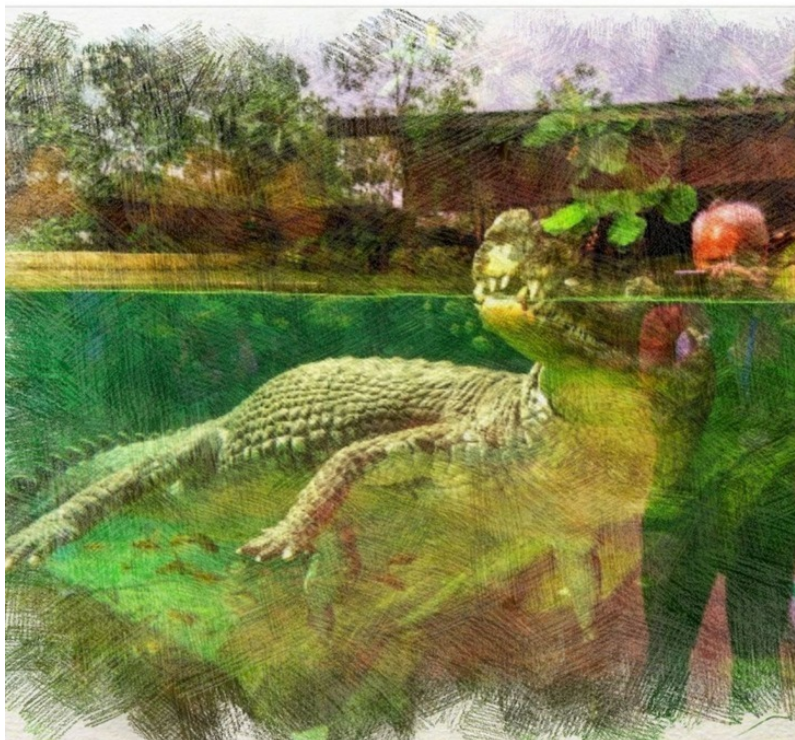

КОНСТАНТИН ИСААКОВ

Летучий голландец, или Эрос путешествий

Константин Исааков
Летучий голландец,
или Эрос путешествий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62703962

ISBN 9785005159021

Аннотация

Эротизм путешествий для меня несомненен. Куда бы я ни направлялся, стремлюсь вовсе не за новыми знаниями или за неким подтверждением «ума холодных наблюдений». А за эмоциями, впечатлениями, наслаждениями. Чем? Красотой «картинки» перед глазами.

Содержание

Летучий голландец, или Эрос путешествий (От автора)	5
Водяной пистолет	7
Париж, ты – женщина?	12
Ковыль на поле Куликовом	25
Багажник памяти	29
Кавказский терренкур: города и горы	54
Коста-Бланка, макет мироздания	71
Маленькая площадь большой гармонии	95
Гамбийский гамбит: опасайтесь фантазий	102
Взглянуть в глаза леопарду	116
Аджария на вкус, на цвет, на звук	129
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Летучий голландец, или Эрос путешествий

Константин Исааков

Оформление обложки Александра Исаакова

© Константин Исааков, 2020

ISBN 978-5-0051-5902-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летучий голландец, или Эрос путешествий (От автора)

Страсть к путешествиям, как всякая страсть, одновременно сладка и мучительна (пушкинское «весьма мучительное свойство»). Я бы сравнил её с наркотиком – ведь подсаживаешься. Но наркотик разрушает. Или можно сравнить её с любовным мороком («За невлюблёнными людьми Любовь идёт, как привиденье»). И вроде как не требует она взаимности. Но стоит мне на месяц засидеться дома, как накрывает эмоциональная голодуха.

Эротизм путешествий для меня несомненен. Куда бы я ни направлялся, стремлюсь не за новыми знаниями или подтверждением «ума холодных наблюдений». А за эмоциями, впечатлениями, наслаждениями. За красотой «картинки» перед глазами: странным лицом нездешней женщины, музыкой чужеземной речи, вкусами необычной еды и новых напитков. Спешу неведомо куда с одной-единственной целью – усладить свои чувства. Наслаждаться этой, как сказали бы психологи, визуально-аудиально-кинестетической субстанцией. И что это, если не эротика?

В сухом остатке путешествий, которые я совершаю, – вовсе не привычные «путевые заметки»: как куда доехать, что где почём, какие «объекты показа» надо непременно

увидеть. Да нет, не пишу я об этом. Потому всё это уже написано. И сделал это «автор,» гораздо более популярный, чем я – Интернет. Ну, а я... я попытаюсь передать те чувства, которые испытал на свиданиях с новыми для меня мирами: от самых светлых до тех, что таятся в тёмных аллеях нашей души.

Такой вот, если хотите, импрессионизм, такие, с позволения сказать, тревел-эссе. Так что прежде чем купить книгу, прочитайте это моё признание. Может, вернёте её на полку – реальную или виртуальную? Может, не стоит «душу травить»?

Водяной пистолет

Мы плывем на плоту вдоль берега речушки в самом сердце Индокитая – в Камбодже. Мимо буддистских храмов, мимо джунглей и рыбацких деревень. Моя левая рука крепко обнимает пушечное дуло, а правая наготове к бою.

ПОПАЛ!

Выстрел – и свесившаяся с ветки змея содрогается от точ-

ного попадания прямо туда, где только что сверкнуло её ядовитое жало.

Выстрел – и разлетаются в стороны сплетения веток и лиан с затаившимися в них обезьянами.

Выстрел – и из рук рыбака выпадает только что выловленная им рыбина.

Ну, а следующий выстрел с головы до ног окатит водой седого джентльмена на другом, поравнявшемся с нами плоту: противник промок насквозь, и он смеется.

Смеюсь и я, приветливо провожая взглядом скульптуру рыболова, муляжи обезьяньего семейства, змей и драконов. Потому что все это – неправда, шутка, игра. Да и пушка-то моя – не настоящая, а водяная. Я – в одном из аттракционов знаменитого на всю Европу испанского парка развлечений PortAventura. Только что исполнилась моя детская мечта.

ПЕРВЫЙ ПРИВОД В МИЛИЦИЮ

Помнится, примерно годков до 15 я мечтал о водяном пистолете. Нынче, с позиций отнюдь не юного человека, могу даже объяснить, почему именно о водяном. Он ведь не убьет и даже не повредит. Зато все-таки пистолет – как настоящий: из него можно прицелиться и пульнуть! И даже, возможно, куда-то, в кого-то попасть. Не то, что все эти гремелки с пистонами: хлопок есть и даже вроде как пороховым запахом сопровождаён, но ведь никакая цель не поражена. Что и говорить, выход внутренней агрессии требуется любому под-

ростку – даже такому «ботанику», каким был я в конце 60-х годов прошлого столетия.

А «заболел» я водяным пистолетом, попав в отделение милиции. Именно тут впервые увидел настоящий – не «из кино» – пистолет. Служебное оружие лежало на столе перед пожилым майором, попеременно измерявшим взглядом то меня, то лейтенантика, который привел к нему «этого очкарика»: свалились вы на мою голову, будто других забот нет... Тут, конечно, надобно пояснить, при каких таких обстоятельствах случился этот мой первый (и, однако, пока последний) привод в отделение. А случился он за чтение! И вовсе не нелегальной литературы (я тогда про неё ещё даже и не знал): читал я всего лишь жюльверновских «Детей капитана Гранта», и это была первая прочитанная мною книга о путешествиях. Но читал я её, переходя улицу в неполюженном месте. Да ещё и, как оказалось, на красный свет. А уличный регулировщик (были когда-то такие мастера, ловко жонглировавшие черно-белыми жезлами – загадочными, как у фокусника) то ли выслужиться решил, что, судя по майорской гримасе, как-то не сложилось, то ли захотел проучить «книжного» пацана, которого от бурь и восхождений в книге француза (как я много позже узнал, написанной автором, не выходя из своего кабинета) не оторвал даже пронзительный свисток.

Меня, малолетнего, тогда, в конце концов, отпустили с миром – даже родителей не вызвали. А надо бы! Потому

как ничегогошеньки я не осознал, и если что-то впечатлило меня, так только пистолет того усталого майора. А ведь майор пытался меня вразумить: что-то убеждённо, но без азарта ему говорил, о чём-то спрашивал. Но я «по-партизански» молчал, тупо пялясь на пистолет.

Потом, в своих мальчишеских фантазиях я преобразовал, как и положено будущему пацифисту, brutальную красоту оружия в образ водяного пистолета. Не убивающего. Даже не калечащего. Но поражающего цель – и воображение. Вскоре в «Детском мире» я его увидел: выглядел он не особо красиво, но это был он – водяной пистолет! Но жили мы тогда очень небогато, и попросить у родителей дорогую игрушку я, уже «большой мальчик», не решился. Откладывать же по 10 копеек, которые ежедневно выдавались на завтраки в школьном буфете, пришлось бы, наверное, много месяцев.

ИСПАНСКАЯ КАМБОДЖА

Водяной пистолет мне в конце концов купили – на день рождения. Точно не помню, но, видимо, проболтался-таки я родителям о своей мечте. Только вот, порадовав меня с неделю, игрушка сломалась: вместо бодрой струи выдавала вялые («старческие»?) капельки. И я потерял к пистолету интерес. Как, впрочем, с тех самых пор и ко всему стреляющему – казалось, окончательно. Говорю же: «ботаник» был.

Пока не попал уже взрослым дядей в PortAventura – парк развлечений в полтора часах езды от Барселоны. Здесь как

раз открывали новый аттракцион – «Ангкор: приключение в затерянном королевстве». Если кто не знает, Ангкор-Ват – это вообще-то совсем не в Испании. Это знаменитый храмовый комплекс в Камбодже. Место – красивейшее. Но когда я ещё попаду в Камбоджу? А тут – если не аналог камбоджийской достопримечательности, то, по крайней мере, маленькая территория приключений. С настоящей водяной пушкой в твоих руках!

Выйдя на берег, долго смотрю, как пацаны рассаживаются за «орудия» и, проплывая вдоль пышных и загадочных декораций, начинают веселую и безобидную пальбу. Пусть всегда они стреляют только из водяных пушек.

Апрель 2014

Париж, ты – женщина?

Многим в школе приходилось писать сочинения на тему «Какие мысли и чувства вызывает у меня...» тот или иной литературный герой. Вот я даже не о мыслях, а о чувствах. Тех, что вызывает у меня Париж, город с легкомысленной репутацией, город романтических эмоций и импрессионистских ассоциаций. Париж, который, вопреки правилам французской грамматики, обозначившим его мужской род, мне представляется женщиной. Прекрасной женщиной!

Я люблю тебя, Париж, практически как женщину. Не отдавая себе отчета. Не стремясь тебя постичь.

ПРОНИКНУТЬ С ЛЮБОВЬЮ

В Париж обычно приезжают либо с любовью, либо за любовью. Так и я. Кажется, это было только что: я застыл в оцепенении очарования, слушая на ступеньках Гранд Опера, как с десяток латиноамериканских студентов и студенток что-то радостно распевали под гитару перед привыкшим к совсем другой музыке зданием. Они были просто переполнены любовью: к городу, к миру, друг к другу. Да, в этом есть, наверное, что-то климатическое: они ведь из America

Latina. Но как же это трогательно! Юные полпреды любви – в мировой столице любви.

И тут к ним присоединилась и группка парижских ровесников – на футболках написано: Université de Paris. Все вместе они поют какие-то малознакомые мне современные хиты, на полукуплете переходя вдруг с одного языка на другой, потом и на третий. А теперь от нас, оккупировавших эти театральные ступеньки, которые элегантно отсчитывались прелестными ножками многих поколений балетных див, отделяется длинноволосая китаянка – и тоже присоединяется к «хору». Она поёт что-то, возможно, своё, китайское, но, кажется, всем, кроме меня, знакомое, тоже вдруг переходя с родного языка на английский, а потом обратно. Её неожиданно поддерживает пожилая, в строгом костюме француженка, которую восторженно принимают в свои объятия латиноамериканские мальчики и девочки.

Мне нравится такая глобализация.

Но – вперёд и дальше! Я брожу в отрешённом очаровании по улочкам этого завораживающего города, исследуя его, как ненасытившийся любовник исследует каждый изгиб тела возлюбленной. Вперёд – и по бульварам Монмартра, где все женщины подобны фиалкам. Вперёд – и в глубины странного, внешне вроде бы незатейливого, но непостижимо запутанного «внутреннего мира» этого города: его подземки, Metropoliten.

В НЕКЛАССИЧЕСКОМ «ЧРЕВЕ ПАРИЖА»

Всякий раз у карты парижского метрополитена я надолго замираю в ступоре. И чувствую, что медленно и, одновременно, немедленно схожу с ума – как во время семейной ссоры, когда тщетно пытаешься проникнуть в логику нежно любимого, но абсолютно непостижимого «противника». Потому что «противник» – женщина, а она – другая вселенная. Да-да, парижское метро с его замысловатыми сплетениями и пересечениями линий, с множеством длинющих коридоров, уходящих, порой практически в никуда, и лабиринтообразных стрелочек-указателей, мне представляется, придумала и осуществила женщина. И пусть справочники со мной не согласятся – я чувствую «чрево Парижа» именно женским. Всем ведь известно, что женская логика в нашем, мужском, понимании, по меньшей мере, замысловата. Да и сюжеты тут, в метро, случаются фантастические – совершенно недоступные моему, мужскому пониманию. Как тот, что происходит со мной в эти самые минуты.

Тупо уставившись в метросхему, я стою и пытаюсь соединить взглядом две точки на карте. Голосу за спиной – лет 20: – *Ça va?* (от *Comment ça va?* – Как дела, все ли в порядке?) Оборачиваюсь – уже с улыбкой надежды. Да нет же, ей вполне под 30, но по-французски легка и эфемерна – как ануйевский орнифль, утренний парижский ветерок. На своем заскорузлом без практики французском путано объясняю банальнейшую из проблем: как добраться из пункта

А в пункт Б? Но уже в процессе формулирования «запроса», понимаю, что с данной конкретной секунды моя проблема – совсем в другом. В этом дружелюбно-удивлённом личике. В чуть гаврошистой фигурке. В длинных и тонких пальцах, чудесным образом тянущихся к моей ладони.

– *Allons!* – произносит она, и вот мы уже – рука в руке – заходим в вагон, и я понимаю, что сейчас со мной происходит невероятное чудо, которое, как всякое чудо, недолговечно, но важно его запомнить, сохранить, законсервировать в себе: это прикосновение, этот голос, этот гаврошеский облик. Мы куда-то едем, пересаживаемся, опять едем. Её ладошка по-прежнему в моей, и это ощущение невероятной близости ярче самого безумного секса. Происходит невесть сколько времени – секунд? минут? часов?

– *Au revoir...* – вдруг, откуда-то из моей эйфории прощальным шёпотом выдыхает она, тихонько подталкивая меня к двери вагона: то бишь твоя станция – и до свидания. А на самом деле: прощай! И я грустно понимаю: приехали.

Не раз потом выстаивал я подолгу на станции Pigalle, у той карты метро. Тщетно. Чудеса не повторяются.

«ЧЕСТНЫХ ПРОСТИТУТОК НЕ ОСТАЛОСЬ»

В Париже эротикой пропитан воздух. Не знаю, у кого как, а у меня даже произнесение самых нейтральных французских слов вызывает легкую, щемящую щекотку в низу живота. А обращённое ко мне дежурное: «*Que voulez-vous*

manger?» официантки щекочет ушную раковину. Хочется ответить: «*Toi!*» В разных провинциях этой страны говорят на очень разном французском. Но именно в столице это язык короля-гиперсексуала Анри IV, другого монарха-эротомана Луи XIV и секс-символа XX века для дам всех народов Алена Делона.

А ещё каждый раз, выглядывая из окна своего отеля Villa Royale на площади с весьма определенной репутацией – Place Pigalle, я с неотвратимой заворожённостью маньяка вижу «линию бедра» уходящей за угол улицы, «пушистость ресниц» цветущих каштанов и ренуаровскую пышногрудость самой площади. Которая, впрочем, давно уже не соответствует ходившим о ней последние лет 200 легендам. Вот ещё один век минул – и в чём-то неизбежно изменился город, его женское естество.

Мы за столиком кафе на Place Pigalle. Сидим и, великие теоретики, анализируем парижскую женственность. Моим поводырем по теме – директор местной туркомпании «Париском Тур» Рубен Мкртчян. Рубен – уже много лет как парижанин, а потому знает толк в женственности. Бизнесмен-романтик, он про женскую красоту, как и я, готов говорить часами. Однако! Пока мы тут прекраснодушно размышляем за бокалом красного, Париж, подмигнув, выдает нам живую иллюстрацию. Напротив, у кромки тротуара, нервно курит сигару (настоящую, похоже, гаванскую) миловидная дамочка самого что ни на есть предбальзаковского возраста. На-

до бы подойти к ней, пригласить за столик, а потом и в номер моего Villa Royale... Но как-то боязно! Тем более, что она, похоже, кого-то ждёт. Ну да, вот уже он и пришел – объятия, затяжной поцелуй (практически не выпуская сигары из нервных губ). Да, изменились твои обитатели, Place Pigalle. Поменялись «их нравы».

Хотя сам отель, где я поселился, ну очень располагает к классическому «пляспигальству». Это самый что ни на есть отель-будуар. Каждый из номеров носит имя какой-нибудь знаменитости: того же Allen Delon или Michael Jacson, или Jean Marais, Dalida и даже Claude Debussi. На ресепшн мне выдали массивный ключ от комнаты, поименованной в честь Michou – экстравагантного основателя знаменитого монмартрского Cabaret Michou. Распахнув дверь, я обнаружил отъявленный эро-декор: тёмносиняя драпировка стен, офорты в золоченых рамах, бархатный балдахин над гигантской кроватью и плафон, изображающий голубое небо с золотом звёзд. Сказать, что мне всё это что-то напоминало, значило бы ничего не сказать. Да никто и не скрывает, что во многих таких отельчиках в районе Place Pigalle совсем ещё недавно располагались почти легальные и в чём-то даже изысканные бордели. Нынче бордели, да-да, упразднены, но стилистику хозяева решили сохранить: Париж всегда был чужд ханжества. Из-под укороченных ажурных занавесок – вид на Folie Royale, тоже кабаре, где, в отличие от классического Moulin Rouge (оно всего в двух кварталах отсюда),

выступают, как правило, сорри, транссексуалы. Не пошёл я туда – не моё это. В гендерных отношениях отвержен традиции.

Вот вы говорите: Place Pigalle, Place Pigalle... На самой площади давно уж не видно жриц любви. Разогнали. После многочисленных облав, говорят, профессионалки этого сервиса плавно переместились в маленькие ресторанчики в округе. Но и туда я (абсолютно честно говорю!) не заглянул. Потому как предупредили меня: разводилово это, и не более. Возможно, вам знакомо такое слово «консумация»? Ею, как правило, занимаются стриптизерши в свободное от шеста время. Подсядет за столик, как правило, к посетителю-новичку этакая вполне роскошная особа. И предложит... нет, не то, что вы подумали (до этого, обычно дело не доходит – весь ваш кэш будет потрачен раньше), а угостить её шампанским. Которое, как потом выяснится, тут дорогущее. Но... за бокалом другой: процесс угощения порой подобен делению атома. Словом, не «расколов» гостя, как минимум, на несколько сотен евро, дама его из своих объятий (увы, символических) не выпустит. Если же клиент возмутится, то хозяин привычно вызовет полицию: посетитель пьян и платить не желает! *Adieu, mon bébé!*

– Честных проституток не осталось, – печально подмигивает мне Рубен Мкртчян. И непонятно: то ли смеяться, в ответ то ли рыдать в его жилетку.

Последняя честная проститутка мадам Жюли (если мож-

но, я всё же обойдусь без кавычек в этом определении: любая профессия, мне так кажется, может быть и честной, и бесчестной) стояла тут, на Place Pigalle, до 2001 года. Было ей к тому времени уже за 60, но выглядела она безупречно. Местные жители относились к ней весьма уважительно, а детей из окрестных домов она по утрам приветствовала по именам:

– *Salut, Paul! Salut, Annette!*

И малыши вежливо раскланивались:

– *Salut, madam Julie!*

А потом она вдруг исчезла. Но появилась консумация, меня, однако, как-то не зажигающая.

ЖЕНСКИЕ СЛЁЗЫ

И все же участником одного пикантного парижского сюжета я стал. В разных отелях разных городов планеты мне хронически «везёт» на горничных: ни одна, как правило, не навеивает даже смутных эротических фантазий. Будто некто свыше охраняет меня от соблазна и, соответственно, от незавидной участи публично оскандалившегося финансиста, господина Стросс-Кана. Но в Villa Royale я оказался на грани провала.

В комнату постучали. Чувство глубокого раздражения: опять забыл вывесить наружу картонку «Не беспокоить!», и наверняка очередная заботливая бабулька в накрахмаленном передничке спешит убрать у меня в номере. С заготов-

ленным переводом фразы «Чуть позже» распахиваю дверь. У порога слегка возвышается над громоздкой санитарно-гигиенической тележкой тот самый накрахмаленный передничек. Но в нём – такое юное существо с таким простовато-трогательным и – внимание! – заплаканным личиком...

Женские слёзы – это всегда выше моих сил. Что нормальному мужчине хочется сделать, когда перед ним сильно расстроенная хорошенькая девушка? Вариантов – один. Утешить. Спросить: «Отчего ты так грустна, о, милое создание?» И даже, чем чёрт не шутит, погладить по головке. Воздушный шарик моего сердца уже было почти приподнял меня над будуарным ковриком – навстречу чуду. Но тут мой растренированный французский опустил меня с небес на землю: роковым образом именно в это мгновение я забыл слово *triste* – грустная, печальная.

Мы постояли так – может, минутку, а может, вечность. Через секунду я, впрочем, уже твёрдо понимал: я – идиот. А она, всё (или ничего не) поняв, обреченно ретировалась по коридору, волоча за собой тяжеленный производственный инвентарь. С чем приходила? Чего хотела? Я так и не узнал. Отель я покидал со вкусом горького шоколада во рту. Наверное, таков вкус неслучившегося.

Но горький шоколад тем и хорош, что изысканно горек! А потому не станем грустить. Они, парижанки, что бы там ни говорили скептики и циники – всё равно самые красивые женщины в мире. И повинен в этом, в немалой мере, сам

Париж.

НЕ СЁСТРЫ ПО РАЗУМУ

Правда, и он не всегда изыскан и нежен вами. Mademoiselle Paris способна выглядеть, например, и разбитной торговкой с уличного рынка, что за углом от бульваров, у станции метро Chateau Rouge. Наслаждаясь brutальными красотами рядов с мясо- и морепродуктами, я заодно сфотографировал и её, возвышавшую свой необъятный бюст над фруктово-овощными россыпями. С грацией пантеры выпрыгнув из-за прилавка, она излила на меня гнев всего палестинского (похоже) народа, неприкосновенность личной жизни которого моя камера вроде как только что ущемила. Фотографию пришлось стереть. А жаль – ведь хороша была!

Заказав в баре за углом «в знак протеста» не французского вина, а французского пива, я смирился с мыслью, что и красивые женщины бывают разными. Красота, она над-этнична. Она просто есть.

Кое-кто мне, конечно, попеняет: не патриотичен ты, мол. Это ведь московские девушки – самые красивые. Не спору! Тоже хороши. И во множестве. Но... как бы это поделикатнее сформулировать: чуть ли не каждую из москвичек (конечно, есть и исключения) портит выражение лица. Это либо загнанность, затюканность «невыносимой легкостью бытия», либо стервозность. И то, и другое вынуждают мужчину с самыми «честными намерениями» потерянno отвести глаза.

В Париже, однако, подобное «заклятие» даже с моих соотечественниц, похоже, снимается как-то само собой! В этом я имел много шансов убедиться, задерживая на парижских улицах свой взгляд на очередной красотке и... вдруг слыша из её уст обращенное к собеседнице родное «А чо?». Но при этом какое-то не по-нашему беззлобное и даже по-своему эротичное. Произнесённое с мягкой, расслабленной улыбкой, не отягощённой этим привычным «Кругом враги». Просто сам Париж создает иной контекст. Кругом любовь.

Вы, наверное, уже догадались, что, при всей моей неприкрытой любви к женскому полу, детального рассказа о сексуальных приключениях на Place Pigalle или в иных парижских кварталах вам не дожидаться. Разочарованы? А я, представьте, нет. Потому что видел потрясающие женские портреты на проходившей как раз в это время в Малом Дворце выставке «Париж 1900». Потому что Place Pigalle и отель Villa Royale хороши ещё и тем, что отсюда можно прогуляться по туманному Монмартру, к его сердцу – базилике Sacré Coeur. На лесенке у её подножия ежевечернее рассаживаются толпы парижской молодёжи, включая понятное дело, и прелестных парижанок. Ходи и любуйся. Дамы с прежней Place Pigalle – они, конечно, профессионалки. Но монмартские студентки, можете не сомневаться, очаровательнее.

Потому даже в магазинах этого удивительного, наполненного чувственностью города – от легендарной Galerie Lafayette до маленьких бутиков – я всматривался совсем

не в товары, а в продавщиц. Или в покупательниц. Известное дело, шопинговый Париж «заточен» под женщину, под её пристрастия – и даже мужские секции тут имеют в виду, прежде всего, не нас, а наших прекрасных спутниц: то, какими они хотят нас видеть. Вся история французской haute couture ориентировала на удовлетворение базового женского мифа (милые дамы, это я – любя), согласно которому женщина немалую часть своего жизненного времени и пространства отводит нарядам и косметике. Тогда как (*Pardon, madame! Pardon, mademoiselle!*), на наш, мужской, вкус, особенно восхитительна она... безо всего этого.

И, клянусь честью всех прекрасных дам, нет в моих словах сексуального шовинизма. Ничего не поделаешь, мы действительно разные – мужчины и женщины. Причем отнюдь не только телесно. «Не братья по разуму!» – говаривала одна моя мудрая приятельница, которой, увы, уже давно нет с нами, земными жителями.

Да, не братья и не сёстры. Потому что даже к самым любимым, самым дорогим нам женщинам мы, мужчины, так или иначе приспособливаемся, пытаемся встроиться в их мир. Порой не понимая их, но при этом принимая. Потому что их любим. Как любим Париж.

Апрель 2014

Ковыль на поле Куликовом

До заросшего ковылём поля – километра три. Нашу конную тележку сопровождает «почётный эскорт» – девочка Глаша лет восьми на snоровистом Зобаре. То и дело Зобар, почти на ходу, не останавливаясь, наклоняется пощипать травки ковыля: проголодался. Глаша в такие моменты, балансируя в седле (маленькая, тоненькая, а ведь удерживается!), увещевает коня: «Да погоди, вот доедем до поля битвы – поешь спокойно!»»

ГЛАША И ЗОБАР

Городская, небось? На каникулы из города приехала?» – спрашиваю возницу.

«Не... из наших, из местных... вон как выросла», – оглянувшись на хрупкую наездницу, улыбается он.

Вот мы и Куликовом поле. Спешились пассажиры тележки, спешила и Глаша. Зобар – конечно, сразу к ковылю.

...А ведь настоящими они растут, здешние дети – как этот, исконно придонский ковыль. Кстати, традиционную для лесостепных краев природную среду местные биоисторики и экологи восстанавливают уже не первый год: возвращают травы, обрамляют их лесопосадками. Ковыль этим летом заметно подрос: кое-где уже почти по колено. Еще сезон-другой – и будет здесь всё выглядеть практически так же, как – да-да! – в те сентябрьские дни 1380 года. А пока стою я тут – турист туристом – по колено в травах и вдыхаю аромат ковыля да полыни. Хорошо!

Глаша, смотрю, вообще на этом поле чувствует себя в родной стихии. Хвост и гриву Зобару расчесывает. Вот что меня занимает: словосочетание «поле битвы» для девочки – привычное, обиходное. «Вот вернемся с поля битвы, – говорит она (я подслушал) то ли подружке, то ли младшей сестрёнке Ксюше, – расскажу деду про этих туристов. Смешные они – траву в букеты собирают». То есть битва, история родных мест для неё – не что-то давнее, веками отгороженное, а часть представления о мире, о родине.

ЗРЕЕТ ПШЕНИЦА

Уедет или не уедет, когда вырастет, Глаша из этих полынно-ковыльных краев – в Тулу или в Москву? (Один из извечных «русских вопросов»: доедет или не доедет, уедет или не уедет?) Кто ж её знает... Не стал девочку об этом расспрашивать – рановато пока.

Но отчего-то хочется пофантазировать, что, например, станет она экскурсоводом в современном мультимедийном музейном комплексе, который сейчас здесь возводится. Или будет водить гостей по объектам Красного холма. А ещё я прямо так зримо представляю ее взрослой девушкой с умным, красивым, одухотворенным лицом, стоящей у большого памятного креста в том самом месте, где сливаются Дон с Непрядвой – главном топониме Мамаева побоища.

Именно за последние полтора десятилетия, благодаря скрупулезной работе российских археологов, топографов и других исследователей, нам стало гораздо больше известно о том историческом сражении. Почти через шесть с половиной веков удалось вполне определенно восстановить все события, предшествовавшие Куликовской битве, да и ход самого сражения. И даже доподлинно очертить территорию, где происходила битва, – это примерно 4 на 8 километров. Летописцы, на весьма субъективных оценках которых прежде только и базировались наши знания о тех временах, приводили самые разные данные о количестве участников Мамаева побоища (вплоть до явно романтизированных по-

лутора миллионов). Но, в результате исторического анализа структуры средневековых европейских и российских дружин, удалось с большой вероятностью вычислить: в войске князя Дмитрия было около 6 тысяч воинов. Собирали их, как известно, из разных княжеств. И, по очень ёмкому определению Льва Гумилева, пришли они сюда представителями своих территорий, а вернулись с боя единой русской нацией. Это и есть основной исторический итог битвы.

Дважды в день – в 11 и в 14 часов в соседнем монастырском Храме Рождества Пресвятой Богородицы бьёт колокол, знаменуя час начала и час окончания лобовых атак двух войск: русского и ордынского. Восемь раз сходились тогда две шеренги, рубя друг друга. Следы каждой той сшибки – кусочки оружия и доспехов – археологи находят по сей день. Словом, само поле Куликово стало исторической реликвией. А неподалеку – поле совсем другое: жёлтое-прежёлтое, пшеница на нём уже созрела.

«Скоро убирать будем, – говорит директор музейного комплекса Владимир Гриценко. – У нас ведь музей-заповедник, тире «колхоз»: своё хозяйство, свои посевы. Рабочие места для местных жителей. Да и доходы хоть и невеликие, но совсем не лишние.

Зреет пшеница, тянется к солнцу ковыль, растут дети. История продолжается.

Август 2014

Багажник памяти

Возвращаясь в родной город после очередной паузы в годы, я обычно запасаясь фляжкой коньяка (кому-то больше по душе валидол, но это не я). Потому что сильные эмоции, в любом случае, накроют. Радость неузнавания либо печаль узнавания.

ЭКЛЕКТИКА КАК СТИЛЬ

Мы прибыли в роскошный, новый бакинский аэропорт имени Гейдара Алиева. И от сверкающей в ночи его громады помчались в город по идеально европейской трассе.

Баку встретил нас яркими подсветками архитектурного артхауса и приглушенно спящими старыми улочками. Это был путь мимо бывшего Чёрного города (который сейчас Белый город), через улицу Узеира Гаджибекова, где во времена незапамятные стоял старый цирк, а напротив – дом моих предков. Мимо Главпочтамта, где мальчишкой я покупал гашёные марки. Мимо бывшего музея первого советского вождя, в котором меня принимали в пионеры. И дальше, по проспекту Нефтяников, вдоль бульвара, куда я бегал охлаждать на каспийских ветрах свою первую, невзаимную (а разве первая другой бывает?) любовь. И ещё дальше – мимо фуникулера, в горку, к бывшему парку Кирова.

Здесь когда-то стояла гостиница «Москва», в ресторане которой друг моих родителей, официант обслуживал последнего советского вождя.

А теперь на её месте три башни – три блистательно изогнутых языка пламени, некий воплощенный исторический символ Баку. И одна из этих зеркалящих всё вокруг башен – отель Fairmont, куда мы въезжаем.

Въезжаем (я, по крайней мере), оставляя за его порогом эту самую мою печаль узнавания. На самом деле, это всего лишь банальное чувство немолодого человека: с каждой улочкой и с каждым домом что-то связано. События и другое

ощущение себя – молодого. А вся эта лабуда про ностальгию – вовсе не о тоске (упаси Господь!) по советским реалиям и колбасе за 2.20. Это о тоске по молодости.

Но проснешься поутру, распахнешь нажатием кнопки прикроватного пульта штору на гигантском панорамном окне – и мигом схватишься за камеру: запечатлеть! От печали узнавания не останется и следа – сплошная тебе радость неузнавания. И не станем мы в этот ранний час приглушать её припасённым коньяком. Потому что впереди – новое знакомство с городом, где когда-то родился и вырос, и в котором не был давно.

Новое – потому, что Баку опять совсем другой. Авангард новых отелей, которых ещё даже в начале 90-х было во всем в Азербайджане только-то 49, а теперь – свыше 600 (из них более 160 – бакинские), изменил архитектурные акценты города. Сплошной хайтек и хай-класс. Вроде нашего Fairmont с интерьерами, техническим оснащением и сервисом на уровне какого-нибудь дубайского Atlantis the Palm или One and Only в Лос-Кабос.

Кстати, сравнение с авангардными Дубаем или Гонконгом можно продолжить, рассматривая «марсианскую» архитектуру Культурного центра Гейдара Алиева, построенного по проекту самого дорогого архитектора в мире Захи Хадид из Великобритании, чьи строения, как известно, украшают Глазго, Доху, Эр-Рияд, Нью-Йорк, Бонн и даже Москву (офисный центр Dominion Tower на Шарикоподшипников-

ской улице). Фантазия этой недавно умершей леди иракского происхождения рождала по всему миру образы, весьма сложные в техническом воплощении. Но ведь воплотили – в том числе и в Баку, используя просторные, полные воздуха внутренние пространства под прекрасные экспозиции пяти музеев, исторических и художественных.

Впрочем, утверждать, что дубайский стиль сегодня в Баку довлечет над остальными, я не готов. Их и впрямь несколько – сегодняшних лиц города. Лет 10 назад в самом центре затеяли очистку от вековой копоти домов начала прошлого века. Ведь сохранилось около двух тысяч зданий, построенных до 1917 года! Чистили отчасти с использованием техники, но и просто вручную. Пыль столбом стояла много месяцев. Зато сегодня здания на проспекте Бюль Бюля, проспекте Нефтяников и на других центральных улицах – своего рода музейные экспонаты под открытым небом. Они-то и воплощают старый бакинский стиль: столичную белокаменность с барельефами и фасадными скульптурами.

Но на этом стилистические апологеты старобакинской архитектуры не остановились: лет 5 назад было принято решение «одеть» фасады советских пяти- и девятиэтажек (тех самых, по определению, уродливых «хрущоб») в одежды «а ля старый Баку». И стоят они теперь, красуются, облицованные. Ничем – по крайней мере, издали – не выделяясь среди своих собратьев-«аксакалов». Помню, в одном таком прежде унылом здании когда-то обреталось «Кафе матери и ребенка»,

где студенту можно было дешёво и невкусно поесть. А теперь это (ничего не ломали, только облицевали и отремонтировали) современный офисный центр.

Скажете, разностилье, эклектика? Соглашусь. Тем более, что перечислил вовсе не всё. «Советские» бакинцы помнят такой замызганный промышленный район на городской окраине – Чёрный город. Сплошь предприятия нефтепереработки. Улочки, где ещё и жили убогих домишках труженики сей экологически малоприятной отрасли, были грязны, воздух нечист. Те предприятия, эффективные разве что в структуре плановой советской экономики, давно позакрывались, и было принято волевое решение: сделаем из Чёрного города Белый город. Не просто переименуем, а именно сделаем. Уже выстроены и строятся сейчас чуть, на мой вкус, вычурные, но по-своему кокетливые 6-7-этажные дома во французском стиле – с флигелями, башенками, ротондами, затейливыми оконными проёмами.

И ГОРОДА МЕНЯЮТСЯ, ВЗРОСЛЕЯ

Да, разностилье. Но позвольте, Баку ведь таким был всегда! И не только в архитектуре. Он всегда был многоликим, разношёрстным, многоязыким. Исконно – типичный международный порт.

Из советских территорий тот Баку можно было сравнивать разве что с Одессой... видимо, той Одессой. А в большом мире собратями считались французский Марсель, итальян-

ский Неаполь (хотя с тем, что бухты похожи, я не соглашусь), марокканская Касабланка.

Мультикультурализм и сейчас тут в чести – это одна из ключевых идей государственной политики: международные форумы, фестивали, включая Евровидение и Евроолимпиаду, другие акции, позиционирующие страну как многокультурную и открытую миру, проходят тут регулярно.

Ну, а русская речь по сей день слышна на бакинских улицах не реже, чем азербайджанская. Идут тебе навстречу два азербайджанских мальчика и о чем-то весело болтают по-русски. Наверняка в русской школе учатся.

Так вот, и в архитектурном смысле Баку всегда был городом эклектичным. Таким и остался. Только вот эта новая эклектика почему-то не раздражает. Да, перейдешь дорогу от типичного старобакинского здания у подножия фуникулера, зайдешь на бульвар, а там прямо-таки авангардный – в виде полусвернутого коврика – Музей ковров. Но ведь не «дерутся» стили!

Может, все дело в самом бульваре, который сейчас уже протянулся на десятки километров от своей привычной центральной части – на Баилов, сквозь территорию бывших судоремонтных заводов, мимо Водного стадиона, к Площади Флага, а затем и в противоположную сторону, через Морвокзал и новые отельные комплексы? Бульвар в Баку, он ведь и в прежние времена гармонизировал пространство... да и, помнится, душу.

В самом Музее ковров – всё такое узорчатое, разнокра-
сочное. Ковроткачество, как я вдруг узнал, в каждом из рай-
онов республики, абсолютно самобытно и оригинально: сю-
жеты, геометрия, элементы орнамента – разные.

Тоже своего рода «мультикультурализм», только в рамках
одной культуры и общего ремесла. Экспонатов тут больше
15 тысяч, есть даже ковры XVII века!

Да, это совсем другой Баку. Нет густых зарослей на буль-
варе, куда вы прятались целоваться с одноклассницей. Нет
тех весёлых лудильщиков на всегда замусоренной, но ка-
кой-то очень родной улице Басина (в школьном просторечье,
Басина-Колбасина) – самой улицы Басина уже нет: на её ме-
сте – длиннющий красивый сквер. С незапамятных времён
не слышны спозаранку в старых бакинских дворах (которые
все почему-то называли «итальянскими» – может, потому,
что «колодцем» и с множеством общительных соседей) зыч-
ные голоса браконьеров: «А кому осетрина?! Кому чёрная
икра? – тех дворов тоже как не бывало.

Ну да, это совсем другой город. И что? Если вам в нем,
нынешнем, что-то не нравится – так ведь это не его пробле-
мы.

ЗА КРЕПОСТНОЙ СТЕНОЙ

Этот эффект многоликости, каждый раз иного, неожидан-
но приоткрываемого лица постоянно удивлял меня в этой
поездке. Дворец Ширваншахов в Старом городе, по но-

вейшим исследованиям учёных, оказался совсем не шахским жилищем (довольно скромно для вельможной персоны), а культовым учреждением – местом, где молились и размышляли суфии. Маленькая bookstore в тех же крепостных стенах, в которую мы случайно забрели, обернулась вдруг уникальной коллекцией – Музеем книжных миниатюр со всего мира. Да и сам Старый город, Ичери Шахер со стенами XII века, или просто Крепость, как мы его в детстве называли притягивает туристов (особенно, российских, «киноориентированных») не только загадочными, аутентично восточными ветвистыми переулками, но еще и той самой булыжной мостовой, где много лет назад прозвучало адресованное арбузной корке мироновское «Чьорт побери!».

В 70-е я учился на филфаке Азгосуниверситета, в его старом здании, которое находилось прямо рядом с одним из входов в Крепость. Сбегая с очередной лекции, мы ходили куда угодно, но только не за крепостную стену. А что там делать? Грязь, нищета. В Крепости тогда жили самые бедные. Теперь в Ичери Шахер живут самые богатые – тут дорогущая недвижимость, это престижный район. Да и жилья как такового за крепостными стенами не так много. В основном, здесь расположились пятизвёздочный отели, пафосные рестораны, места, где снимались популярные фильмы. И множество объектов для туристов со всего мира: здесь можно услышать самую разную речь.

Возвращаясь у мультикультурализму, назову одним из его

образцов и Храм огнепоклонников Атешгях, что расположен в бакинском пригороде. Баку во все времена был городом многоконфессиональным (да и сейчас, помимо мечетей, тут открыты двери православных, католических, протестантских храмов и синагоги). А с XVII по начало XX века здесь, за городом, располагался индуистский ашрам. Сутками шли в нём медитации с воспарениями в астрал. Был реконструирован шиваистский храм, восстановлены обычаи зороастризма – поклонения огню.

ХРАМЫ НАУЧНЫЕ И ДУХОВНЫЕ

В бытность свою молодым спортивным журналистом я чуть не ежемесячно мотался по командировкам: от Баку до самых до окраин Азербайджана. Есть что вспомнить про бездорожье, про те «шикарные» райкомовские гостиницы – одно-двухэтажные халупы с комарами в «номере» и с азиатской уборной в коридоре? Что было, то было: made in USSR. В память врезалась и такая «картинка»: серо-жёлтая, с редкими кустиками колючей небритости, раскалённая земля, по которой бродит тощая корова. Она отрешённо жуёт подгоняемые к ней горячим летним ветром обрывки газет.

Нынешние азербайджанские коровы выглядят куда упитанней и симпатичнее. И прессу не едят. Что едят здешние бараны/овцы, могу только догадываться, но сами по себе они вкусны невыразимо. Даже во Франции, на родине «каре д'ань», баранину предпочитают сдабривать соусами и припра-

вами – чтобы нежнее была. А азербайджанский кебаб – бери из мангала и ешь, никаких приправ не надо! Ну, можно, если очень хочется, макнуть в наршараб или сумахом посыпать. Нет, о еде – чуть позже!

Не ожидал я оказаться на таких отличных дорогах по пути из Баку в Шемаху. Когда-то, в конце XIX века, этой, но в те времена совсем не гладкой дорогой пришел – пешком, в лаптях – в Баку из Шамахи мой прадед. В столице и остался, став, в конце концов, крупным нефтепромышленником и женившись на дворянке.

А мы катим в своем микроавтобусе дальше: из Шамахи в Габалу, из Габалы в Шеки, из Шеки в Нафталан, из Нафталана – в Гянджу. И назад – в Баку. Вы крепко сидите? На трассах Азербайджана обустроены подземные переходы – для скота!

Туристу что вообще-то надо? Удобно и недорого добраться до места назначения, заселиться в приличный отель (где еще и вкусно покормят). Ну, и чтобы было, что посмотреть: немножко от пляжного отдыха отдохнуть. И любит он при этом всякие тайны-загадки. Как вам такая, например? Жил-был мудрый суфий Дири-Баба. Жил праведно, молился, трудился муэдзином при Ширваншахе Ибрагиме. Но пришло время – испустил дух. И пролежало его тело в том самом скальном мавзолее в селении Мараза, в который мы заглянули по пути в Шамаху, немного-немало – 250 лет (письменные свидетельства тому имеются!). А потом вдруг исчезло.

Пришел, говорят, Дири Баба за своим телом «оттуда» да и забрал его. Сюжет?

Сама Шамаха – тоже странное место. Сейчас здесь живет около 30 тысяч человек, а когда-то город был столицей Азербайджана. Но трясло его нещадно, и несколько раз – с XII до XIX века – Шемаха именно из-за землетрясений даже уходила под землю. Только вот не вся: построенная в 843 году Джума-мечеть неизменно оставалась практически целой. Вот и сегодня стоит себе. Новая, конечно, и даже (после множества реконструкций) несколько новодельная. Но красивая!

В некотором смысле «идейный антипод» Джума-мечети – Шемахинская обсерватория. Сюда возят на экскурсии школьников ещё с советских времен. Показывают современные телескопы и практически «винтажное» астрономическое оборудование времён их дедов, рассказывают о метеоритах, демонстрируя осколок весом 127 килограммов, упавший в 1959 году в Ярдымлинском районе Азербайджана. Нам же с гордостью сообщили: здесь находится один из четырех самых крупных в мире телескопов.

И все-таки научным храмам трудно тягаться в красоте с храмами духовными. Простота в обсерватории – это стены с наглядной информацией да каменюги-экспонаты. Простота в храме – иного рода. Пусть даже самый небогатый алтарь все равно задержит твой взгляд надолго. В этом мы убедились в небольшой православной часовне святого Елисея

в горном шекинском селе Киш. Построена она была на месте зороастрийского храма, говорят, ещё в 111 году, в XIII веке перешла в руки арабов, потом её вернули христианам. В советское время использовалась как склад. Реконструирована и вновь освящена в 2003 году. Но, кто бы ею не владел («Советы» – не в счет), все считали церковь местом святым.

Рассказывают, что добрался сюда даже знаменитый путешественник Тур Хейердал, памятник которому установлен на подходе к храму. И что-то тут такое на известного мореплавателя нашло, но сказал он вроде бы слова, выбитые сейчас на каменной плите у памятника: мол, глаголю не как легенду, а как истину – скандинавский бог-воин Один (с ударением на первом слоге) именно из этих, южных мест пришел к нам на север, в края викингов, взяв над ними власть.

Еще одна загадка этих мест? Меня, однако, как автора романьолы «Один» (с ударением на первом слоге) эта идея отважного моряка и искателя приключений Тура Хейердала немного смущает. Опять же рассказывают, что пожилой уже Тур, очарованный местным гостеприимством, находил корни Одина и в азербайджанском Кише, и в грузинских селах, и в Дагестане, и даже в устье Дона, близ Азова.

С гораздо более достоверными историческими артефактами познакомили нас на раскопках в Габале. Вообще-то Габала – горнолыжный курорт, один из лучших в Азербайджане, наряду с Шахдагом. Трассы, говорят, здесь качественные и вполне даже быстрые. Убедиться в этом лично, впрочем,

у меня в тот момент не было возможности: не сезон. Зато чистые, красивые улицы, множество парков с детскими аттракционами, многочисленные бизнес-центры и отели в Габале налицо. В одном из них, в River Side, мы даже переночевали, и выглядел он отнюдь не райкомовской гостиницей. Удобный предгорный отель: всё, что надо, и ничего лишнего. Это, ясное дело, не Shamaha Palace, в котором мы пообедали накануне: там всё в золоте и в бархате, в шелках и в паркетах, огромная территория с прудами, конюшней, гольф-полем, виллами и центральным корпусом, где все сверкает и журчит фонтанами, навевая у мужчин мысли о гареме, а у женщин... уж не знаю, о чем: неловко было спросить.

НЕРАЗГАДААННЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН

Раскопки, история, по мне, это всё-таки круто! В Габале нам показали захоронения и склады античного периода. Хороший, любовно ухоженный музей и гигантская, только частично пока разработанная территория раскопок, куда каждый год приезжают иностранные исследователи, не говоря уже о студентах местных вузов. Тут ещё копать и копать. Когда-то в этих местах находилась столица Кавказской Албании, но случилось что-то нераспознанное историками – и жители этих мест стремительно, бросив всё и вся, от домашних животных до бытовых предметов, бежали с насиженных мест.

Вам не кажется, уже просто складывается вкуснящий тур-

пакет – «Неразгаданный Азербайджан» (ау, туроператоры!)?

В Гобустан мы попадём позже, перед возвращением в Баку, но скажу о нём сейчас. И не только потому, что оба объекта – научные. И здесь любовно содержащийся музей с прекрасным техническим оснащением: еще бы, Национальный заповедник, охраняемый ЮНЕСКО. Но сами скалы, сами рисунки! Как всё это сохранилось, ума не приложу. И ведь обнаружены-то были здесь впервые наскальные изображения только в 20-30-х годах прошлого века. С тех пор идентифицировано несколько тысяч рисунков, причем почти все они, кроме двух, нарисованных охрой, сделаны без использования красителей. А именно, выбиты в скале. Гобустан – ещё одно странное, не объясняемое формальной логикой место: люди здесь никогда не жили. Подчеркиваю, ни-ког-да. Но из века в век, тысячелетиями, вплоть до средневековья приходили к этим скалам и оставляли на них свои рисунки – как просьбы, мольбы Всевышнему: о дожде ли, об удачной ли охоте. А может, и о любви? Кто знает, кто разгадает... Традиция не умирала. Так, значит, просьбы доходили до адресата? Ещё одна «реперная точка» в нашем «загадочном» турпакете.

Тур Хейердал, кстати, и сюда заезжал. И сказал, что здешние изображения очень ему напоминают древнеегипетский рисунок лодки «Ра». Ай да Тур!

«Аномальная, словом, территория», – резюмирует свой рассказ наш гид Искендер Тагиев. И представляет нам глав-

ного хранителя Гобустана Фикрета Абдуллаева. «Вы знаете, тут ведь можно годами ходить мимо и не замечать какое-нибудь изображение, а вдруг луч солнца как-то по-особенному упадёт – и о чудо, открытие! – хранитель произносит эти слова нежно, будто объясняясь в любви своему хранимому сокровищу, и тихонько поглаживает изображение. – Я вообще-то против этого традиционного „музейного“ требования „Руками не трогать!“ Надо трогать, чтобы ощутить теплоту той жизни. Да и камень примет тепло наших рук».

А здесь ведь целые сюжеты: вот лодка, налетевшая на скалу, и разломившаяся; вот два священных быка; а вот и человечки, как-то выражающие себя в танце.

«Хотим сделать специальный маршрут для туристов – на конях и на осликах по всему Гобустану, здесь ведь еще и грязевые вулканы, время от времени пыхтящие, а и вообще панорамы какие – посмотрите...» – восхищенно озирает окрестности Фикрет Абдуллаев. И добавляет: «Я горжусь названием своей должности – хранитель!»

Восхищаться здесь и впрямь есть чем. Со скал-громзд просматривается сероватый Каспий. Благо, день сегодня ясный.

А я вспоминаю густейший туман и два с половиной часа пути к горному озеру Гёй-Гель. Ехали мы, ехали и наконец приехали. Пансионаты, турбазы, пешеходные тропки. Чай на вершине у берега. И «дымящиеся», в робкой весенней зелени берега озера.

После чаепития у озера мы тогда вернулись в Нафталан, крупный азербайджанский курортный центр, с давних пор специализирующийся на врачевании с помощью нафталана – уникальной местной коричневой нефти – множества заболеваний суставов, нервной системы, а также проблем в сфере гинекологии и дерматологии. Отель Garabag – по сути, современный лечебный центр, и таких в городе несколько. Процедуры с использованием нафталана ещё и, говорят, снимают усталость, расслабляют, и это пришлось кстати некоторым из коллег после туманного Гёй-Гёля.

Помните, хранитель Гобустана оговорил о грязевых вулканах? Через три года я к ним попаду. И это будет экстрим – абсолютно физиологический! – что называется, на «ого!».

«А сейчас мы поедem к грязевым вулканам, – сказали нам, – их по всему Азербайджану около 400, в том числе здесь, на Апшеронском полуострове, в новом Государственном природном заповеднике». Местность вполне себе пересечённая. Поедем на джипе? И тут перед нами прямо-таки по-царски распахивают двери три выдавших виды «жигулёнка». Я с друзьями попадаю в самый дряхлый – 1996 года рождения! Столько его собратья обычно не живет. Но это-то жив! И бодро скачет, подбрасывая нас на каждой кочке и прижимая друг к другу на лихих поворотах. Это было бы страшно. Если бы не так кайфово. Джиперам такого драйва и не снилось.

...А потом мы замороженно глядели в жерло вулкана.

Внутри что-то чернело и, выплёскиваясь на поверхность, булькало. Какая тайна спрятана – там, в глубинах глубин?

Говорят, многие в эти вулканы окунаются. Мол, полезно. Мы как-то не решились – вечер показался слишком прохладным. Или просто испугались: захотелось сбечь себя для новых впечатлений.

ИЗЫСКАННЫЙ «ШЕБЕКЕ»

Как ни прекрасна природа, а человек тоже кое на что способен. Посещение Гянджи стало своего рода бонусом в нашей поездке: узнав о приезде тревел-журналистов из Москвы, мэр города уговорил нас, уплотнив программу, заехать в этот классический восточный средневековый город, где возникает ощущение соединённости, сплетённости бытия. Все тут существует в некоем единстве. Белокаменные здания двух музеев двух поэтов – Низами Гянджеви и Месхети Гянджеви – с поэтичными, что в рукописях, что в рисунках, экспонатами и трогательными юными девами-гидами. Чайхана на площади, где, не отмахиваясь от легкого весеннего дождичка, местные мудрецы вкушают чай из «армуды истакян». И даже современный, с высоченной аркой Парк имени Гейдара Алиева, в котором оборудована вполне европейская велопрокатная стоянка. Мне показалось или сюда сейчас пришла покататься на велике та самая девочка, которая только что проводила для нас экскурсию по музею Низами? Времена вновь сошлись, и им комфортно друг с другом.

Случился и ещё один бонус, весьма порадовавший мою фотографическую «ипостась». Надо сказать, фотограф я – так себе («Чукча – не читатель, чукча – писатель»), но снимаю в поездках азартно и много, по-фаустовски спеша остановить мгновенье. А тут приезжаем мы в Шеки, город, пожалуй, покоровивший всех нас своей неброской, но какой-то простодушно детской красотой: чуть вычурными домиками, пестрыми лавчонками со всякой всячиной и множеством видов халвы, улыбочивостью жителей. И после обеда приходим в сшибающий с ног красотой своей Дворец шекинских ханов. Один фасад чего стоит! Мозаика, окна-витражи стиля «шебеке» (венецианское стекло плюс дерево). Фотосессия, кажется, сейчас стартует. Но нас приглашают внутрь... со строгой оговоркой: No photo! Мама моя родная... вспоминаю, как бегал от старушки-надсмотрщицы в одном итальянском соборе, и она тоже кричала: No photo! No photo! А я: Yes, of cause! Но сам тихохонько: чик, чик – ведь красота же!

Но здесь не забалуешь: помещения небольшие, и гид смотрит, кажется, лично тебе в глаза. А ведь тоже красотища невероятная: каждый кусочек стены в ханских апартаментах – изысканнейший мозаичный узор, потолки – просто книга восточной мудрости «в картинках», которую дама-гид нам комментирует, комментирует, а сама всё поглядывает на нас, журналистов: не снимать! Аллах их разберет...

«Искандер, как же так?!» – с этими словами вся наша тол-

па, выйдя из здания, наваливается на главного гида-сопровождающего. И бонус случился! Последовала цепочка звонков: от инстанции к инстанции, от одного ответственного лица к другому – нам-таки разрешили ещё раз пройтись по залам, специально для съёмки.

ЭТНО-ЛАГИДЖ ИЩЕТ ЛИЦО

Но по пути – Лагидж. Надо заехать, ведь это этно-деревня. Я видел такие в разных странах: в Южной Корее, в Эстонии и в Литве, в Тунисе и в Кении, в Мексике, в России. Они в разной степени идентичны. Где-то очевидна главная цель – раскрутить туриста на деньги: деревня как шоу (таковы поселения африканского племени масаи: в этих глиняных мазанках без света давно уж никто не живёт, и ваш гид «из племени» в ярком балахоне, распрощавшись с группой туристов у сувенирного рынка, быстренько наденет джинсы, оседлает свою «Ямаху» и укатит в город). Это как бы первый тип этно-деревень, самый распространённый.

В других же этно-деревнях люди реально живут: растят детей, работают на огороде. Да, при этом он подрабатывают на экскурсиях, показывая и рассказывая заезжим любопытствующим: это наш образ жизни, и нам он нравится. Так, например, происходит в Южной Корее.

Азербайджанский Лагидж пока еще формирует своё лицо – лицо живой, естественной, а не просто «на публику» этно-деревни. На главной его улице – мастерские и лавочки.

Здесь можно купить что-угодно – потрясающую, ручной работы чеканку и керамику, шапку из каракуля, яркое платье, сладости и пряности (ох, закупился я сумахом и чабрецом!).

До первого образа этно-деревни мне здесь явно не хватало каких-то «показательных выступлений»: мастер-классов, дегустаций и прочей ивент-составляющей. До второго – возможности посидеть, например, за стаканчиком мехмари-чая в доме у кого-то из местных, теплого, доверительного общения с местными жителями.

В Лагидже мы встретили много детей – причем не только в составе приехавших сюда семей туристов, но и из числа местных. Только не разбегайтесь, мальчики и девочки, когда подрастёте, по городам: вам предстоит придумать свой, особенный этно-Лагидж! Творите!

НАШ СТОЛ ОПЯТЬ НАКРЫТ!

Сколько не езжу по миру, всё не взрослою. Взрослость – это, по-моему, что? Это когда всего насмотрелся, и ничто уже не восхищает. А я вот всё восхищаюсь, восхищаюсь. Ну да, каждый раз, как в первый раз.

Восхищаюсь красотой рукотворной – она повсюду другая, не повторяющаяся, порой странная, но всегда несущая в себе частичку сердечности того, кто её сотворил.

Красотой Божественной – пейзажами мира вокруг нас. Будь то утекающее в вечность разноцветье горных вершин Алтая. Или энергетически подкашивающие и стекленящие

глаз пещеры ливанской Джейты.

Или величественно округлая «дырка от бублика» – скала Эль Арко на самой оконечности полуострова Южная Калифорния... всего не перечислишь.

А ещё, что греха таить, восхищаюсь трепетной красотой иных женских лиц.

Пора бы уж и успокоиться, да вот никак. Одно меня с этим смиряет: говорят, восхищающийся – не стареет.

Но... с горных вершин чувственной сферы спустимся к её низменностям, долам и равнинам. Я вообще-то ещё восхищаюсь и едой – в разных странах разную. И, конечно, не стану скрывать, напитками всяческими, в основном, алкогольными.

Нам, москвичам (даже если и не коренным), азербайджанскую кухню особо представлять не надо. В Москве множество питейных заведений, хозяева которых, в силу своего происхождения, профилируются именно на ней. И мы этим пользуемся – по мере возможностей. Только вот во всех подобных заведениях готовят самые что ни на есть роскошные блюда, увы, из мяса, купленного в московских магазинах или рынках. Я уж не говорю про остальные продукты, про специи. Да, что-то привозится из «страны происхождения». Но далеко не всё и далеко не самое-пресамое. И повара, уж поверьте, здесь, в Москве, в азербайджанских ресторанах, нас потчуют, может, и профессиональные, но не самые лучшие. Потому что лучшие – там!

Я готов задушить иных моих московских друзей, которые мне заявляют: «Ой, не люблю я баранину, она как-то не так пахнет...» А знаете ли вы, как должна пахнуть настоящая баранина? Свежайшая, выкормленная на природе. Лавки, в которых она продается, можно встретить почти на всех дорогах Азербайджана, на подъезде к любому городку или селу, в самом населённом пункте. И это будет настоящая баранина.

Да что баранина! Накануне своего отъезда из Баку я заглянул в современный ресторанчик европейской, подчеркиваю, кухни, который создал сын моих друзей, и там меня накормили не слишком как бы оригинальным блюдом – говядиной по-монастырски. Ну, помните, это обычный кусок мяса, запечённый под майонезом с жаренной картошкой и овощами. Так вот, фиг вам – обычный. Мясо было говядиной – но на всю небольшую тарелку, толщенной и сочнойшей. И было от души завалено тьмой вкусно обжаренной картошки, с которой я, увы, уже не справился, о чем сейчас, в преддверии очередного московского холостяцкого ужина (который надо ещё придумать и из ничего приготовить) горько жалею.

Но, конечно, есть, нет – вкушать в Азербайджане следует, в первую очередь, национальную (как, впрочем, по моему непоколебимому убеждению, и везде), кухню. Очень вкусно нас кормили в двух караван-сараях – в Баку (в Ичери Шахер) и в Шеки. И во всех отелях, где мы жили и куда просто заезжали – посмотреть-попробовать. И в безымянном ресторан-

чике в Гяндже.

Что именно надо есть? Для разминки, зелень и соленья – это всенепременно. Из зелени выбирайте кресс-салат, он тут особенный, а также тархун и рейхан (он же базилик); из солений – непременно кизил и сливу, бочковые пикули. Далее, обязательно съедаем кутабы – хоть по штучке: с зеленью и с мясом, предварительно посыпав их сумахом (он же барбарис) и смазав катыком (такая жирная простокваша). Потом нам принесут горячую закуску – долму. Азербайджанская долма, как правило, малюсенькая, легко идёт опять же под катык. Съесть её можно много, но сдержитесь – предстоит горячее.

И это будут кебабы – самые разные. Одни, нежнейшие – из баранины на рёбрышке (да, именно эту часть французы именуют «каре д’аньо»), другие – из бараньей же вырезки. И люля-кебабы, длинные и сочные, тоже, конечно, из баранины, но из молотой. Не гнушайтесь и куриными кебабами – такой сочной курицы вы ещё не пробовали.

Заметьте, весь этот обширный, практически «а ля Гаргантюа» перечень не включает в себя ещё несколько популярных (и, заверяю, вкуснейших) местных блюд, как то: довга (она бывает холодной и горячей; второй вариант, помимо риса и зелени, содержит еще и горох «нут», а также кюфту – это крутые фрикаделищи такие с алычой внутри), пити, бозбаш, хашлама... в общем, см. Интернет. Вместить всё это в один обед – выше среднестатистических человеческих сил.

Даже моих.

И даже если запивать хорошим азербайджанским вином. А запивать надо («зарулистов» искренне пожалеем). В годы студенческие, бывалочи, брали мы ящик самого дешёвого белого сухого «Аг суфре» – и заваливали на всю ночь к кому-то (частенько и к автору этих строк). Красное сухое «Мадрасали» было подороже, но иногда мы его себе позволяли. «Мадрасали» я увидел и сейчас – в небольшом, но с весьма обширным алкогольным ассортиментом магазинчике в Габале. Но нынче в Азербайджане времена иных вин. Хороши вина (надеюсь, вы понимаете, что я исключительно о сухих) бренда «Савалан» – они разные, из разных виноградников.

Создали этот винный бренд совсем недавно – в 2006 году совместно с итальянскими энологами: группа товарищей, присмотрев пригодные вроде бы (аксаккалы подтвердили) для выращивания винограда земли, купила их, высадила лозу – и уже через несколько лет просто ворвалась на международный винный рынок с целой линейкой вин «Савалан»: их сегодня, представьте себе, включают в свои винные карты некоторые весьма престижные рестораны Парижа. Вчитайтесь: рестораны столицы страны – законодателя винных мод.

Эти вина – новый Азербайджан, другой, отличающийся от того, в котором я вырос. Как и улицы нового-старого Баку. Как и пути-дороги азербайджанских районов с бродящими по ним коровами и овцами. Как и новые отели, оздоро-

вательные центры, музеи. Все – другое.

Другое и время. Другие и мы. Но ведь, согласитесь, главное, чтобы наши встречи друг с другом, встречи прошлого и настоящего, приносили только радость!

Апрель 2016, август 2019

Кавказский терренкур: города и горы

Переживать о давно ушедшем детстве – право дело, инфантильно. Но почему бы не вспомнить о нём? С благодарностью за то, что было. Такой шанс мне предоставила поездка по Северному Кавказу – городам курортам Кавминвод, где бывал я в глубочайшем детском возрасте.

А ещё там были горы – те самые, Кавказские. С горами вообще непросто. Писать о горах – примерно как о любви: безнадёжно – все лучшие слова давно уже сказаны, и любое «новое» неизбежно будет банальным. Но как не писать о горах? Ведь это невероятные эмоции! И масштабы красоты, которые невозможно осознать..

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЖЕЛЕЗА

Те, кто любит фильмы великого Вайды, наверняка сочтут мои аллюзии и, главное, их связь с конкретным персонажем, некорректными. И пусть... хотя они будут правы. Но, надеюсь, простят меня, узнав, что я о Железноводске. Здесь всё – про этот самый Ferrum. Хотя реально его тут сроду не бывало: наличие в местных минеральных водах сего химического элемента первоначально предположил первый их исследователь Фёдор Гааз ещё в XIX веке. Но он тогда ошибся: состав воды (не будем вдаваться в химию) – совсем иной.

Имя, однако, к городу «прилипло».

В те детские годы в Железноводск я приехал на местной электричке, что называется, «как-то раз»: просто съездили мы с мамой «погулять» – то ли из Кисловодска, то ли из Ессентуков, где проводили почти каждые летние каникулы. Кто-то из таких же, как мы, курортников посоветовал маме подышать железноводским, насыщенным фитонцидами, лесным воздухом. А ещё посмотреть городской парк; он уже тогда был популярен у отпускников, славясь, в отличие, например, от кисловодского (в который мы с вами ещё вернёмся) своей особенной, каскадной лестницей.

Потом, я слышал, та знаменитая лестница пришла в упадок – попросту разрушилась от старости. А с нею и парк. В моей же памяти из тех времён остался сухонький старичок в чесучовом костюме, который на парковой скамье принимал от фланирующих курортников заказы на вырезание портретов-силуэтов из чёрной бумаги. Такой двойной портрет – мама и я – ещё долго хранился в семейных бумагах, но потом куда-то исчез.

Словом, не было уже тогда в этом городке ничего «железного».

А сегодня лого Железноводска так и выглядит: Ferrum26. «Как вы думаете, почему?» – спросит нас глава города Евгений Моисеев.

И мы дружно вспомним, что регион тут именно под номером 26.

«А вот и не только! – с торжествующей улыбкой сообщит

мэр. – В периодической таблице Менделеева элемент „Железо“ – тоже под 26-м номером!»

Вот ведь совпадение! Э, нет – погодите, дорогой мэр, про совпадения. Евгений Иванович и тот факт, что за последние 3 с небольшим года (а он пришёл на эту должность из бизнеса только в 2017 году) Железноводск преобразился, тоже попытается прокомментировать так: «Ну, не во мне дело – просто всё совпало».

А по мне, совпадает только то, что надо, где надо и когда надо. Уж поверьте опыту человека, побывавшего ребёнком в этом городе в 60-е. Потому что каскадная лестница в небольшом, по сравнению с остальными кавминводскими курортами (где всего-то 25 тысяч человек постоянного населения, а в том же Кисловодске – 130 тысяч; площадь город занимает всего в 42 квадратных километра в центре лиственного леса, между горами Железная и Бештау), городе ныне не только восстановлена, но и продлена. Это сделано было на премию за победу в конкурсе малых городов России. Парк ухожен и расширен, очищен и обустроен пруд, да и весь городок выглядит с иголочки наряженным франтом: чистый, с отличными дорогами – и внутри, и вокруг, с зелёным ландшафтным дизайном.

И всё это произошло за последние три года. А пришёл Евгений Иванович на должность мэра, напомню, в 2017-м. Кто-то мне ещё будет тут говорить о совпадениях? Да, соглашусь, это идеальный расклад, когда довольно молодо-

му, но уже закалённому в «мартене» бизнеса мэру-новичку краевая власть даёт полный карт-бланш и поддерживает его во всех идеях. Но, поверьте, успешно воспользоваться таким шансом (и воспользоваться именно во благо города) дано не каждому.

Для этого нужны: а) сами идеи; б) настойчивость и азарт в их реализации; в) железная воля.

Вот такой у нас «Железновольск» вырисовывается.

В Железноводск, как и в те давние года, ныне потянулись курортники: загруженность здешних санаториев, которые только недавно после пандемийного карантина открылись. Строятся и новые санатории – в том числе и силами сторонних инвесторов («Их, как оказалось, вполне даже можно привлечь, если есть красивые идеи и красивая природа», – пояснит Евгений Иванович). Стоимость номеров в санаториях – самая разная: от 3 до 24 тысяч, и это с питанием.

Та памятная каскадная лестница, но уже обновлённая, классно придуманная, с необычными (нигде таких не видел) угловыми межступенчатыми переходами для людей с ограниченными возможностями, ведёт по Лермонтовскому терренкуру к Лермонтовскому мемориалу. Поскольку, да будет вам известно, не только Пятигорск, но и Железноводск – места лермонтовские. А на плитах из розового туфа – лермонтовские кавказские цитаты.

«Вы можете спросить, на какие деньги. Инвесторы инвесторами, но нужен базовый бюджет. А вот на эти са-

мые 50 рублей курортного сбора, введение которого вызвало в стране столь бурную дискуссию, но было активно поддержано именно в Ставропольском крае, – говорит Моисеев. – Эти 50 рублей в день от каждого курортника – они все здесь: в нашей обновлённой инфраструктуре».

Восстановили, например, на эти деньги местный Дворец культуры: с 1983 года он не ремонтировался, много лет тут торговали чем ни попадя и кто ни попадя. А теперь это светлое и просторное строение, оснащенное современной электроникой, принимает любого масштаба ивенты.

20 миллионов бюджетных рублей в целом планируется на содержание и благоустройство Железноводска ежегодно. А курортный сбор в 2019 году принёс 50 миллионов! То есть можно прикидывать планы на будущее – и самые решительные.

Как, кстати, относятся к этому местные жители? В подавляющем большинстве, хорошо. Потому что курортники – это доход: деньги города и его жителей. И ещё потому, что все решения по благоустройству предварительно всегда обсуждаются с ними, жителями: в «Активном гражданине» или в Фейсбуке, где у мэра 5 тысяч френдов, или даже в Инстаграме, где у него 12 тысяч подписчиков. «Вот так мы и устраняем в соцсетях бездонную пропасть между властью и населением. Мы – вместе. Мы – друг для друга». Ответ на свой запрос в «Активном гражданине» человек получает, представьте себе, через 2 (!) часа.

Куда двигаться дальше? Железноводск сегодня становится одним из центров событийного туризма в регионе: из 200 ключевых событий в федеральном перечне 50 происходит в Ставропольском крае, а 10 из них – в малюсеньком Железноводске: это фестивали лечебных грязей, воздушных шаров и аэростатов, пива, исторических реконструкций. Театральная зима на Кавминводах – тоже Железноводск: приезжают артисты МХТ имени Горького, столичного Театра оперетты – билеты (даже зимой!) нарасхват.

Упомянутый уже «Активный гражданин», – часть здешней системы «Умный город», а для Железноводска это «Умный город-курорт»: сайт fegum26.ru, смарт-панели по всему парку, которые рассказывают, где какую воду попить, где что поесть, чем заняться на досуге, как куда проехать. Вы не поверите, но в крохотном Железноводске на каждой автобусной остановке – электронные табло, и они работают! Количество жалоб по транспорту за те же три года уменьшилось втрое. А на мусорных контейнерах – как вам это? – ультразвуковые датчики: чтобы где не надо не сбрасывали.

Ближайшая задача – создать Единый виртуальный туристический центр, который можно будет посещать прямо в вашем смартфоне. Закачал программу – и получаешь пуш-уведомления обо всем интересном и важном. Зарегистрировался курортник через Госуслуги – ему поступает QR-код, по которому можно скачать актуальную информацию. Всё по-современному! Не зря же курортный контингент тут уже

сейчас явно молодеет: мы привыкли к тому, что традиционно «на воды» приезжают люди старшего поколения, но теперь 45-65-летних в Железноводске – только 30%, а тех, кому 20—45 – 20%.

Нет, не грущу я об оставшемся в памяти старичке в чесучовом костюме, хоть и вспоминаю с нежностью те чёрные бумажные силуэты: всему своя эпоха, и ностальгия – чувство не продуктивное. А новый Железноводск мне даже как-то по-человечески ближе.

АРТЕФАКТЫ ДЕТСТВА

С Кисловодском всё проще... но сложнее: воспоминаний самых разных – очень много. Где-то там, в верхней части города, у реки Берёзовки, мы каждым летом поселялись в доме моей прабабушки. Сначала в комнатке в двухэтажном доме-развалюхе с кухней во дворе, где еда готовилась на керосинке. Потом в построенной на этом же места панельной «хрущобе»... К окраинной Берёзовке с ледяной, по моим мальчишеским ощущениям, водой и каменистым дном мы в этот недавний приезд так и не добрались.

А вот речка Ольховка по-прежнему течёт по потрясающему Национальному Кисловодскому парку. Этот статус парк получил совсем недавно, в 2016 году, но существует-то он аж с 1823 года.

Где-то тут, в центральной части Ольховки, ушлые местные фотографы в 60-е годы установили аккуратнo отшлифо-

ванный камень, на который усаживали курортников и фотографировали: на ч/б, конечно – цветного фото в те времена не было, а потом неведомым мне способом раскрашивали эти снимки. Такое фото, надо же, сохранилось, и я даже недавно, в память о маме (мама ушла от нас три года назад) его оцифровал.

Камень, однако, теперь так и не нашёл. Да и ушедших фотографов что-то не видеть.

Зато – ура! – вот он, мостик «Дамский каприз». Его некогда, по легенде, построил офицер, которому пришлось перенести на руках даму через речушку. Построил, судя по всему, чтобы впредь этого не делать. «Ну, не дурак ли, – думал я, мальчишка, слушая эту историю. – Ведь это так классно, так красиво: любимую – на руках, через ручей».

А дальше можно и выше подняться, по терренкуру, и оттуда – роскошная панорама.

Ещё один парковый артефакт детства – цветочные часы: такие (по-моему) есть во всём мире только в Кисловодске. Когда-то, думал я, приближаясь к часам-клумбе, они показывали не только время – своими стрелками, но и дату: день, месяц, год – ежедневно высаживались по нужному узору «правильные» цветочные горшочки. Подхожу и вижу: так ведь они и сейчас всё это показывают! И мне рассказывает гид, что часики вообще-то восстановлены были после многолетнего «стояния» прямо-таки к моему приезду, всего за несколько дней до него. Время в парке, словом, вновь

пошло!

А вот и Грот Лермонтова – в детстве так страшно в него заглядывать: казалось, тебе вот-вот что-то шепнёт заточённый в темноте грота Демон... и хотелось опрометью убежать отсюда – подальше от сырости и тьмы.

Туда, где так красиво и где всё дышит счастьем – к огромным цветущим розам. А вот и она, Долина роз, клумба в целых два гектара.

Перед тем, как покинуть Кисловодск, окунёмся в её ароматы.

ВОКРУГ И НЕМНОЖКО ВНУТРИ НАЛЬЧИКА

В Нальчик, столицу Кабардино-Балкарии, мы въехали мы под вечер. На юге темнеет рано, а потому, заселившись в отель и съездив на ужин и обратно, мы увидели город лишь в ночных огнях.

Детских впечатлений о Нальчике у меня почти не сохранилось: жили, понятное дело, в частном секторе, во дворе всегда было много детей – курортных, главным образом, среди которых мой взгляд неизменно цепляла одна красивая девочка. Как выглядела, как звали – ничего этого сейчас не вспомнить. Но я ведь всегда и везде найду «одну красивую девочку».

И всё! Больше никаких воспоминаний.

Да и не задержались мы сейчас тут. Потому что главной нашей целью в Кабардино-Балкарии были горы. Гордый се-

довласый джентльмен Эльбрус, зеленеющий пацанской юностью Чегем.

ЧУВСТВО ГОРЫ

Мы не соизмеримы с горами. И не размерами лишь. Смотришь на гору издалека – и тебе кажется, что ты сейчас осознал её величие, возраст, значимость в мироздании по сравнению с тобой, в общем-то для него, мироздания, несущественным.

Но когда ты уже непосредственно там, в горах, чувство совсем иное: ты внутри иного мира – отчасти чужого и опасного, но гораздо больше влекущего и волнующего.

И ведь я ни разу не горнолыжник – кататься даже не пробовал никогда. Но пресловутое чувство горы имеет и для меня свою физическую составляющую: какое-то странное, не поверите, по-своему эротизированное наслаждение.

К этому чувству горы лучше заранее подготовиться, настроиться. А то как шандарахнет! И ты будешь стоять в «закоченелом оргазме» как памятник себе. Себе в горах.

Нет, к горе надо сначала присмотреться, держа дистанцию. Едешь так вдоль Кавказского хребта, проскакиваешь совсем маленькие и побольше города и посёлки, а фоном почти постоянно – эта самая линия горных вершин. Порой чёткая, порой размытая туманами и прочей хлябью. То ярко-зелёная, то убелённая снегами. Сплошная или прерывистая по горизонтали.

Начал ощущать? Немножко пропитался отличиями от виденных тобою ранее горных ландшафтов – в других земных горах? Теперь можно и на подъёмник. Но лучше сначала посидеть полчасика у подножья – настроиться.

ЭЛЬБРУС, ОТКРОЙ ЛИЧИКО!

Иногда на меня находит: пускаюсь в пространные рассуждения о том, женщина или мужчина – вот этот данный конкретный город, в котором я сейчас нахожусь, причём вне зависимости от грамматической принадлежности его имени. Париж, например (утверждаю!), женщина. Мехико – мужчина, мачо! С горами такое впервые – я не пытался я раньше идентифицировать их «половую принадлежность».

Погожими днями нашего кавказского путешествия – с солнцем и голубизной небес – были лишь первый и четвёртый. Во второй же и в третий (а именно в третий нас ждал – или ждала? – Эльбрус) было, как в той старой песне: «Здесь у нас туманы и дожди».

Так вот, фланируя на микроавтобусе вдоль Кавказского хребта, мы в самый первый день путешествия на небольшой смотровой площадке – поснимать Эльбрус издали. Было вполне по-летнему ясно, но... до определённого предела: там, на самом верху, где маячили оконечности Эльбруса (а напомним: западная его вершина – 5 642 метра, восточная – 5 621 метр), клубились густейшие облака, взбитые в сливочный мусс с вершинными снегами.

И именно тут я увидел эту прекрасную Эльбрус – девушку в парандже, согласно мусульманской традиции спрятавшую от посторонних взглядов своё лицо. А потому (я о таком своём восприятии уже не раз говорил друзьям-мусульманам... и те делали вид, что со мной не согласны) ещё более влекущую; загадка влечёт всегда.

Вот такая строгих нравов девушка Эльбрус открывает свой нежный лик лишь самым близким из мужчин – мужу, отцу, брату, сыну. А в нашем случае, как я понимаю, самым отважным альпинистам. Забегая вперёд, скажу: мне так и не открыла. И, наверное, была права. Не альпинист.

К эльбрусскому подножию (к упругим «ступням», изящным «лодыжкам» и тонким «щиклоткам» этой неприступной для многих прелестницы) – из Нальчика, города, который даёт старт дорогам к нескольким обличиям горных красот.

У ног красавицы как бы в виде предостережения лил нескончаемый дождь, и те, кто предусмотрительно не запасся дождевиком, вынуждены были купить его на месте, на поляне Азау, где вообще-то можно купить или арендовать всё, что требуется претенденту на покорение девушки... то бишь вершины. Плюс к дождю был густейший, с видимостью максимум на десяток шагов вперёд, туман.

Тем не менее, мы с нахальством неофитов на одном из 11 подъёмников горнолыжного курорта Приэльбрусье мы направились к станции Гарабаши – нашему конечному пунк-

ту назначения. Потому дальше и выше, к знаменитой 11-й станции, а оттуда и к вершинам, нашему брату-путешественнику путь заказан – откинуть эльбрусскую «паранжду» вправо лишь оснащённый и подготовленный альпинист.

Но ведь Гарабаши – это тоже круто! Это 3 847 метров над уровнем моря! То есть на воображаемом уровне воображаемой «груди» красавицы Эльбрус. Моя личная рекордная высота к тому времени составляла 2 600 с чем-то метров: помню, в Альпах, в Санкт-Морице, в разгар июньской жары «под ногами», мы ужинали на террасе горного ресторана, и в бокалы щемяще нежного швейцарского розе падали тут же в нём таявшие снежинки.

Уже на предпоследней из станций эльбрусского подъёма, на станции «Мир» (3 455 метров над уровнем моря) дождевики смешались со снежинками, и моего фотообъективу стало плоховато... кстати, сам я вовсе не ощутил никакой «горняшки», которой меня пугали накануне. Разве что холодно да сыро. Но это было всё о том же: не принимает чужого мужчину мусульманская девушка-Эльбрус.

И всё-таки я уже тут, на Гарабаши – чувствую себя медальоном у «груди» красотки! Туман – густейший: не видно толком ничего. Да и, успокойся: всё бы тебе ненароком-невзначай подглядеть за не принадлежащей тебе красотой!

Несколько отчаянных кадров – налево-направо, направо-налево – и скорей, под крышу, в тёплую кафешку, к жи-

вительному глинтвейну.

Эх, Эльбрус, Эльбрус – так и не познал я тебя. Да, не заслужил. Но почувствовал! Я же говорил: чем тщательнее «закамуфлирована» девушка, тем богаче и нюанснее картины – и визуальные, и кинестетические, рисуемые нашим воображением.

А потому, милая Эльбрус, всё равно я тебя люблю.

КРАСОТА КАК ОПРАВДАНИЕ

В мой последний на Кавказе, когда предстояло отправиться в Чегемское ущелье, к Чегемским водопадам, погода уже с утра идеально расчегемилась.

В подсветке яркого солнца плавные линии гор, затейливо рассаженных дизайнерской рукой Всевышнего перед поляной парадрома «Флай Чегем», выглядели особенно романтично и даже немного женственно.

А парившие разноцветными мухами на их фоне парапланеристы делали эту картинку и вовсе то ли брейгелевской, то ли рубенсовской: не хватало разве что слуги с опахалом, который отгоняет от спящей обнажённой госпожи назойливых насекомых.

Воспользовавшись посткарантинным отпуском и ясным выходным днём, народ заполнил территорию плотно, и организатор всего этого действия только успевал, формируя очередную группу, усаживать её на грузовик и отправлять к месту парапланового старта. – Классно? – спросил я его. – Биз-

нес сегодня идёт в гору?

– Нервно, – уточнил он. – Предпочитаю, когда такие же объёмы растянуты на несколько дней. Но, ничего, справимся. Смотрите, какая красота! – и он указал в небо на уровне гор. В это время как раз пошёл на спуск очередной парапланиерист.

«Флай Чегем» отлично придуман и организован. Можно приехать со своей палаткой и за символические деньги разбить её на специально отведённом участке. Можно, что, конечно, подороже, поселиться в аккуратном и чистеньком коттедже. Есть небольшой ресторан, где, говорят, вкусно кормят – кофе, по крайней мере, варят качественный. Есть прокат оборудования.

А главное, есть романтика. Как же изголодался по ней народ за многие месяцы домосидения!

Неподалёку – ещё два романтических места: про смерть и про жизнь. Эль-Тюбю называют Городом мёртвых. На самом деле, это село, около которого – целая череда средневековых усыпальниц. Когда-то в них были богатые захоронения, от которых, увы, ничего не осталось. А раскопанные археологами следы древнего поселения оцениваются возрастом в несколько тысячелетий. Да и многим строениям самого села непонятно, сколько лет отроду.

И всё же романтика Эль-Тюбю – не о смерти, не о тщетности сущего. Ведь что-то всё-таки остаётся. И это что-то бережно хранится через многие сотни лет – как такие вот

гордые некрополи на пригорке.

И уж совсем про жизнь – сакля Кайсына Кулиева, народного поэта Кабардино-Балкарии. Тоже ведь был тот ещё романтик! Люди старшего поколения могли его видеть много лет назад по телевизору, во множестве «Голубых огоньков». И даже слышать песню на его стихи, немного переименованные примадонной Аллой Пугачевой («Женщину, которую люблю» она заменила на «Женщину, которая поёт»).

Идея такого мемориала возникла, кстати, совсем недавно, в 2012 году, а сейчас это уже популярное у туристов место. В сакле, где родился поэт, сохранены артефакты быта балкарского жилища, материалы о самом Кайсыне. А главное – дух творчества человека, который всю жизнь признавался в любви: к женщине, к горам – к Красоте!

Кавказ, он ведь вообще такой – о Любви. Если в вашем сердце нет тяги к Красоте, если вы, невзирая на свой возраст и «статус», не заглядываетесь на каждую красивую девушку, то я точно не советую вам ехать на Кавказ – ничего не почувствуете.

Порой Красота эта выглядит загадочной, неприступной, «спрятанной» – она имеет на это право!

Но иногда вдруг раскроет свои уста в улыбке, будто говоря вам: может, я и не спасу мир – пусть сам себя спасает, но, по крайней мере, оправдываю его существование.

Август 2020

Коста-Бланка, макет мироздания

Испания – идеальная страна для отпуска. Россиянину, у которого каждый солнечный день – подарок небес, конечно, привычнее в Барселоне с прилегающими к ней каталонскими курортами.

Но есть ещё и юго-восток страны – более дорогая, но уж точно, не менее изысканная Коста-Бланка. Мы в Валенсии!

МУЗЕИ И ПАНОРАМЫ ГОРОДА У МОРЯ

Аликанте – вполне типичный приморский город. С от-

крытыми муниципальными пляжами, отмеченными пестротой разноязыкой публики в разноцветных купальниках, прямо в самом центре, прямо у Экспланады, которая при этом ещё и торгово-прогулочная зона. Но при этом с историей, восходящей к третьему веку до нашей эры. С весёлой, бурной вечерней/ночной современной жизнью. С храмами, в которых готическая сдержанность снаружи щедро сдобрена бароккальными «пряностями» внутри.

Раз уж мы прибыли на морской курорт, то от моря, от приморской площади Plaza Puerta del Mar, и начнём отсчитывать шаги нашей прогулки по городу. Надеюсь, вы запаслись китайским наручным шагомером? Аликанте – город, по которому надо ходить пешком.

Бросим походя взгляд на верфи – подзарядимся романтикой яхт. Затем – на разгоряченные тела пляжников на Playa de Postiguet (порция другого рода романтики). И в путь, вдоль набережной. В иных испанских и испаноязычных городах набережная – это Malecon, а здесь – Explanada. Попытался понять разницу. Ну да, вроде Эспланада – это то, что мы называем бульваром. Она не обязательно прямо у морского берега, может быть и чуть отделена от него.

На её прогулочной зоне кипит торговля, зазывают кафе и ресторанчики, происходят инсталляции, концерты, перформансы.

Эспланада в Аликанте особенна ещё и тем, что вся примерно полукилометровая её аллея вымощена живописными

мозаичными плитками, создающими иллюзию волн под ногами. Это плиточное «море» неизменно привлекает туристов («гулять по воде») аж с 1955 года, и ни разу с тех пор всерьёз не переключивалось, а на моих глазах и продлевалось: такую же плитку укладывали на повороте от Эспланады к Музею морских круизов.

Вторая главная, после Эспланады улица Аликанте, по которой стоит прогуляться (особенно, если вы, в отличие от меня, заядлый шопер), это, конечно же, Rambla. Какой испанский город без Рамблы?

А ещё мне посоветовали заглянуть на улицу Грибов – она тут так неофициально называется (таблички с формальным названием народ обычно игнорирует: «Пошли гулять на улицу Грибов!»). Вы не о тех грибах подумали! Хотя... в иные времена район тут был довольно криминальный... и не без тех самых грибов. Но местные власти сумели всё кардинально изменить, и теперь это любимая зона для прогулок с детьми, а весёлые скульптурные грибы, населённые героями популярных мультиков и сказок, её украшают.

Ну, и традиционные для любого испанского города пути-дороги непременно приведут вас на центральный городской рынок. Не обязательно тут даже что-то покупать – ходите, смотрите, фотографируйте. Может, и подегустировать предложат. Поневоле, впрочем, хоть что-нибудь, да купите.

«А ещё у нас сегодня запланированы три музея», – заметила как бы вскользь за обедом гид. Ну, музеи, так музеи,

подумал я – обязательная часть программы.

Но уже первый – удивил.

Вообще-то это было здание местной мэрии. Красивое и снаружи, внутри оно оказалось просто дворцом из дворцов. Примерно такое же впечатление, помнится, на меня несколько лет назад произвёл дворец (он же рабочая резиденция) шведского короля Карла Густава XVI – по его величественным коридорам и залам тоже можно свободно прогуливаться: без королевского приглашения и без билета.

В интерьерах мэрии-дворца Аликанте, на входе в которую вас встречает статуя работы самого Сальвадора Дали, как-то очень уютно. Вы можете себе представить «царственный» уют? Я раньше тоже не мог – у того же шведского короля красиво, но величественно, а потому, говорят, он любит тайком сбегать из дворца.

А тут ещё и прямо под зданием обнаружена уникальная археологическая зона, раскопки в которой продолжаются, и это можно наблюдать сквозь толщенное стекло.

А второй музей оказался весёлым! Museu de Fogueres посвящён ежегодным праздникам Alacante Fogueres de San Juan, проходящим здесь в День святого Иоанна с 30-х годов прошлого века. Это что-то вроде карнавала, на который загодя, в течение всего предшествующего года местные жители готовят ярко раскрашенные фигуры из пенопласта – он, как известно, хорошо горит. Эти скульптуры обычно олицетворяют тот или иной порок и подлежат публичному сжиганию.

нию в финале праздника – такая вот испанская Масленица. И лишь некоторые из них, лучшие, удостоиваются чести уцелеть и быть помещенными в музей.

В отличие от, например, тоже весьма популярного и политизированного карнавала в кипрском Лимассоле, над пороки тут обличаются, скажем так, бытовые, людские. Вот напыщенный муж в медалях и с бабочкой, а рядом с ним нагруженная авоськами жена.

Или надменная красотка. Или гномы-толстяки – похоже, воплощение обжорства.

А чаще всего, просто забавные фигуры – без избыточной иронии и обличения. Тогда зачем? Так праздник же! Народ к нему долго готовился и хочет вдоволь повеселиться. Эх, не хватает нам, россиянам, такой вот лёгкой раскованности, ни к чему не обязывающей весёлости.

Ещё один музей – тот, что за углом от Plaza Puerta del Mar, он – совсем иной. Он о мужестве, об отваге современных мореплавателей, любителей круизов. Но не тех круизов, что на роскошном лайнере с пятиразовым питанием и вечерними шоу. Тут, в The Ocean Race Museo, представлены «шоу».

Командные кругосветные регаты, о которых рассказывает музей, проводятся с 1973 года. Участвуют в них как профессионалы, так и любители – порой целыми семьями. Люди это удивительной силы духа и выносливости – об этом, собственно, и экспозиция. А старт таких экспедиций – отсюда, из Аликанте.

Аликанте, кстати, можно рассматривать не только вдоль его улиц или через витрины музеев, а ещё и в другом векторе, снизу вверх – и тоже будет, чем полюбоваться: высоченной скалой, например, на вершине которой, будто знамя, водружён Замок святой Варвары.

Но мне как-то сверху вниз гораздо интереснее: очень я люблю панорамы – простор, свобода взгляда. Одна такая отличная смотровая площадка – как раз на эстакаде у The Ocean Race Museo: пляжные красоты с неё просто во всей своей прелести!

Ну, а если «уменьшить зум», то это как раз к Замку святой Варвары, туда лифт доведёт. И весь Аликанте – перед вами. Идеальная точка для художника. Да и для фотографа.

Место и само по себе необычное. Замок – это не просто «здание со шпилем», а несколько сравнительно небольших средневековых строений, в каждом из которых – мини-музей, своя тематическая экспозиция. А соединяют их малюсенькие улочки: нырнёшь под арку, а там – кто его знает, с кем встретишься. Что за тень мелькнула? Может, это монах-францисканец? Или юная дева из знатного рода, спешащая на тайное свидание? Дадим волю воображению!

Ей, нашей фантазии, будет где порезвиться и на краю смотровой площадки, обозревая город сверху вниз, но не свысока. Чтобы потом сверить свои эмоции и аллюзии с теми, что достигнут вас уже на другой смотровой, в другом валенсийском городе – Бенидорме.

ФАНТАЗИИ СЕНЬОРА ПЕДРО

Жил-был сеньор Педро... да мало ли в Испании сеньоров Педро, как сказали бы в популярном советском фильме. Обычный сеньор Педро – любил бутылочку вина с друзьями распить, а гуляя у кромки моря, откровенно засматривался на загоравших девушек. Обычный во всём, кроме одного: он был при ответственной должности мэра небольшого приморского городка Бенидорма. И всё в Бенидорме сеньору Педро Сарагосе нравилось: море тёплое, песочек чистый, вокруг зелень да горы, а воздух пьянящий – как то вино. Кроме масштабов – они явно не соответствующие его, сеньора Педро, личности. А эти его масштабы требовали, казалось бы, нереального – сделать Бенидорм супер-курортом европейского уровня! О чём и вёл он нескончаемые разговоры с друзьями по вечерам – за стаканчиком (а потом другим, да и третьим-четвёртым что уж) хорошего и возбуждающего фантазию местного вина. Мечты мечтами, но как народ сюда завлечь? Если даже (по суровым в те времена испанским законам) на пляже девушке толком раздеться нельзя! Пуританская, понимаешь ли, страна! Бикини запрещены! А девушки-то, девушки, посмотри, друг, какие ладные!

Последние слова сеньор Сарагоса обычно произносил так громко и страстно, что все прибрежные столики в таверне на пляже дружно вздрагивали и столь же дружно чокались: «За женскую красоту!». И однажды, в какой-то из таких вот

вечеров, сеньор Педро вдруг – наболело, как видно – не менее громко объявил: «Поеду к Франко – объясню ему, как много мы теряем из-за этих глупых запретов!»

В том же 1953 году, не прошло и месяца, а мэр Бенидора-ма Педро Сарагоса, известный городу и окрестностям как человек, слов на ветер не бросающий, стоял перед самым генералом Франко и горячо говорил: «Мы-то с Вами, генерал, понимаем: если женщина красива, то прятать эту красоту – большой грех! И потом... в этих бикини ведь всё, что надо, прикрыто... А туристы и особенно туристки не хотят себя чувствовать у моря, как... в казарме».

Последнее сравнение генерала удивило, и он криво ухмыльнулся. Но, выдержав достойную генеральскую паузу, разрешил! Разрешил девушкам не пляжах валенсийского городка в меру раздеваться. Так Бенидорм стал первым испанским «курортом в бикини».

Туристов – главным образом, из Великобритании – вскоре стало явно поболее. Но это была ещё не вожаделенная массовость! Педро Сарагоса уже даже наладил снабжение своего города-курорта питьевой водой. И пригласил к сотрудничеству турфирмы из стран севера Европы, заключил договоры с германскими и скандинавскими авиакомпаниями. Народу на пляжах заметно прибавилось.

И тогда сеньор Педро предпринял ещё один нестандартный ход: он нанял семью настоящих, не ряженных скандинавских оленеводов и стал кататься с нею (сейчас это называли бы

роад-шоу) по европейским аэропортам, держа над головой плакат «Эта северная семья едет отдыхать на побережье Бенидорма».

Вот тогда-то на Сарагосу, а значит, и на Бенидорм по-настоящему обратили внимание. И постепенно сложилось то, что сейчас принято называть турпотокком.

Но тут же навалилась другая проблема: туристы едут, а где их селить? Надо бы построить несколько больших, современных отелей, и есть желающие в это вложиться. Но не хватает территории: город растянут вдоль побережья. А дальше – горы. Да и не понравится гостям до пляжа добираться из отеля четвёртой-пятой линии.

Идея пришла опять же, извините, за стаканчиком валенсийского вина. Точнее, за стаканчиками, которые компания, завершив застолья и уже собираясь по домам, вставила один в другой – получилось что-то вроде пирамидки. «Стоп! – воскликнул Педро Сарагоса, – это же небоскрёб! Как в Америке...» То есть если нет места «в длину» и «в ширину», то почему бы не раздвинуть Бенидорм «в высоту»? И друзья, вновь разобрав стаканы и разлив вино, выпили за будущий вертикальный Бенидорм!

Вот таким, вертикальным мы его сегодня и знаем. И это курорт всеевропейской популярности, где старинные, малоэтажные кварталы перемежаются перпендикулярами отелей и бизнес-центров. И смотрится всё это, представьте, вовсе не эклектично.

Сеньору Педро Сарагосе повезло: его «сбыча мечт» случилась при жизни. Есть архивный снимок, сделанный в 2000 году: на нём он скромно отвернулся от девушек в бикини и даже топless... но мгновением раньше... кто знает. Умер он в 2008 году.

Небоскрёбы успешно решили проблему отелей в Бенидорме: они, многоэтажные и многономерные, теперь тут в большом количестве, и все недалеко от моря. Ясное дело – крупный международный курорт, город мечты сеньора Сарагосы.

Поскольку высокие и низкие строения в современном Бенидорме чередуются, то и обозреть его лучше сверху. Я нашёл две идеальные точки. Первая – смотровая площадка на 45-м этаже самого вертикального здесь отеля Gran Hotel Bali. Занятная картинка, чем-то напоминающая макет в мастерской архитектора: перпендикуляры небоскрёбов как бы приподнимают территорию над поверхностью, а море с одной стороны, горы с другой создают ассиметричный багет. Некофликтное, на мой взгляд, соотношение условной «фигуры» (отелей) и условного «фона» (природных красот).

Честно сказать, «небоскрёбные» города, не особо люблю. Отсутствие «воздуха» – свободного пространства, перспективы для глаза, вся эта мегаполисная скученность (Нью-Йорк, Шанхай, район Дефанс в Париже) меня подавляют. В Бенидорме такие же вроде «вертикали» странным образом сами собой «успокаиваются» и совсем не раздражают

глаз – именно благодаря множеству пейзажных «горизонталей» и горных неровностей, разрушающих прямолинейность небоскрёбной геометрии.

Но настоящая панорама – всё-таки с гор! Давайте отъедем от центра минут на 30—40 вглубь, в сторону от побережья. Стильный джип, стильный (с признаками хиппи 70-х) водитель – и вот мы уже лихо несёмся по обрамлённым зеленью горным тропкам. Первая стоянка – отсюда город смотрится чётко, как на карте геодезиста.

Вторая стоянка – и вот уже перед нами сюжет в жанре «сюр»: толпа светящихся гигантов медленно вышагивает в сторону воды.

А вот ещё более высокая точка – и прежний сюрреализм напрочь сметён импрессионизмом: акварельно размытые лёгким туманом холмы живут и дышат. Рукотворное вытеснено богосотворённым.

Ну да, человек, наверное, способен только лишь «подправить» созданное до него – в лучшую либо в худшую сторону. В Бенидорме, похоже, удалось не нарушить гармонию двух начал: божественного и человеческого.

И что, в таком одухотворённом настроении нам прямо сейчас возвращаться в город? Но ведь мы слышаны, что в этих краях есть уютнейшее местечко – Гуадалест. Так вперёд!

Заранее предупреждаю: держите себя в руках – особенно если времени в обрез. Гуадалест – из тех городков, с кото-

рыми страстно хочется провести ночь... ну, хоть одну (мне в этот раз не удалось). Нет, правда, его надо очень внимательно рассматривать, заглядывая во все здешние музейчики, а они тут – практически в каждом втором доме.

В одном из таких музеев я завис надолго. Уж название цепляло: Museo Microgigante. Что это за микрогиганты такие?

На входе нас встретила дама, представившаяся женой художника. В авторском музее Мануэля Усса есть и крупные скульптуры – вполне себе античных размеров лошадка, например. Но удивляют и притягивают совсем другие – микроскопические и филигранные. Их можно разглядеть лишь в специальную лупу, и ты разглядываешь, разглядываешь...

А за твоим плечом – эмоциональный монолог: «Вы не представляете, как с Мануэлем трудно. Сидит целыми днями, мастерит. Ты ему кричишь: ¡Manuel, tu sopa favorita se está enfriando! – но его же не оторвёшь от этих малышей».

Ах, Гуадалест, Гуадалест – и меня бы тут от многого было не оторвать... сколько кафешек, сколько лавочек с вкусностями, сколько красивых девушек. Поделюсь, кстати, своим давним наблюдением: такие вот волшебные места (а они есть в каждой стране) обычно притягивают толпы красивых девушек – их «плотность на квадратный метр» здесь заметно выше обычной. Интересно, почему?

А какие тут пейзажи!

Но пора возвращаться в Бенидорм – вечером ведь нас там

ждёт тематический тапас-ужин. А «малышки» тапас – это же практически синоним Испании.

Ну, разве что по пути выпить чуть-чуть вина или кавы в бодеге – в качестве аперитива.

Благо, в винодельне Enrique Mendoza выбор богатый – главное, вовремя остановиться: ведь подливают и подливают, и всё время что-то новое, вкусное. Чуть-чуть никак не получится.

Тапас-ужин в Бенидорме – это часть большой ночной жизни города. Можно ходить от таперии к таперии – в прогулочной зоне они в изобилии – и везде что-то попробовать. Но понемногу! Вот мы увлеклись в Tapería Augtera – и ведь обалденно красивая подача.

А ночь-то только начиналась!

После такой насыщенной ночи, как вы понимаете, поутру полагается лишь лёгкий завтрак. И это, конечно, чуррос с шоколадом. Фокус в том, что чуррос надо не просто правильно приготовить, но ещё и правильно съесть. Впрочем, в Churrería Rafael вас научат и тому, и другому.

За первое отвечает дочка хозяина. Она и проведёт мастер-класс: будет раскатывать тесто на длинные-предлинные «змейки», потом укладывать их «улиткой» в кипящее масло, а по достижении готовности разрезать на удобные для съедания полоски.

Последнее важно. Это вы поймёте, когда, эстетски взяв двумя пальчиками первую полоску, обмакнёте её в горячий

шоколад. И, проглотив, тут же потянетесь за второй, третьей, четвертой, пятой... Кто сказал, что завтрак будет лёгким? Видимо, это относилось к людям более сдержанным...

А за окошком открытой кухни будет, время от времени выглядывая в зал, щёлкать ножницами сам дедушка Rafael, хозяин и основатель Churrería.

День перед отъездом из города я решил посвятить тому Бенидорму, который так любят семейные туристы. Заглянул на ухоженные песчаные пляжи с безопасным, плавным входом в воду – ОК, с детьми сюда можно.

Съездил и в парк Terra Natura. Ну, его название само за себя говорит – детям тут наверняка интересно. Правда, первый павильон меня шокировал. Черда аквариумов. Но не с рыбами. Сначала, ладно, муравьишки такие забавные. Но дальше... Жуткого вида змеюки, ядовитые жабы, хищная саранча, рептилии. Дрожь берёт! Но... детям наверняка интересно.

Как интересна и та крупная живность – от косуль и козлят до тигров и слонов, что обитает здесь, в Terra Natura, под открытым небом, некоторые даже без заграждений, и их можно даже попытаться погладить. Но тоже, знаете ли, лучше не каждого.

Вот такой он, Бенидорм, превратившийся за какие-то полвека силою фантазии одного чрезвычайно деятельного человека, сеньора Сарагосы, из провинциального приморского городка в прекрасный курортный центр. В нём есть шикарные

ные отели и старинные храмы.

Кого-то он притянет пиратской стилизацией, кого-то чувственной натурой.

Нет, всё же человек способен и на нечто большее, чем просто «подправить» Божий промысел.

ЭТОТ СМУТНЫЙ ОБЪЕКТ ЛЮБВИ

Никогда не знаешь, во что тебе предстоит влюбиться в следующий раз. Как ни странно, я сейчас вовсе не о женщинах. Хотя с одной из них Эльче в массовом туристическом сознании, конечно же, ассоциируется – о Даме из Эльче наверняка слышали многие. Так и быть, вспоминая об Эльче, начнём с неё: Ladies first!

Эта каменная скульптура IV века до нашей эры была здесь найдена ещё в 1897 году. Кто она, красотка архаичных времён с весьма правильными и, я бы сказал, современными чертами лица?

Доподлинно неизвестно. Но очевидно, что дама была весьма знатная. И, что интересно, у оригинала, что сейчас хранится в Национальном Археологическом музее Мадрида, и, естественно, у множественных копий в районе затылке – небольшая ниша, углубление. Похоже, для праха. Бюст как погребальная урна, как гробница? Историки вполне допускают существование подобной традиции в те незапамятные времена. Но информации о примерах, кроме как в случае с Дамой, лично я не нашёл.

Гуляя по Эльче, вы будете постоянно наткаться на Даму – на улицах и в скверах... в последний свой день здесь я с нею уже привычно раскланивался.

Но больше всего копий – на территории археологических раскопок Alcuia, где и располагается Музей Дамы из Эльче.

Музейные варианты Дамы – это и современные актёрские перфомансы, и экзерсисы живописцев, и цветастые фантазии скульпторов, и даже Дама-клумба. Словом, XXI век нашей эры сделал усыпальницу IV века до нашей эры объектом поп-арта.

Что до моих чувств, то... признаться, когда образ тиражируется, в него как-то (лично у меня) не складывается влюбиться. Да и не *comme il faut*.

А вот другой женский образ Эльче мне гораздо ближе. На Santa Maria, главной площади города, находится Базилика святой Марии (la Basílica de Santa María).

Католических храмов, посвящённых Богородице, я видел множество. Но этот – один в своём роде. Базилика – это храм-музей, посвящённый тому действу, что происходит здесь ежегодно 14—15 августа, в день Успения Богородицы. «Религиозная мистерия Эльче» – своего рода театрализованное представление, в каком-то смысле даже шоу, посвящённое смерти, похоронам и коронации Девы Марии. Разыгрывают его тут с XV века по сей день.

И делают это дети. В ролях – исключительно мальчики: так было принято в средневековом театре, где, как известно,

лицам женского пола лицедейство запрещалось. Ангелы – мальчики... ну да, это вполне. Но Богородицу тоже играет мальчик! Каждый год проводится серьёзнейший кастинг, потому что желающих исполнить эту роль всегда множество. И выбранная (выбранный?) Дева Мария непременно воплотит в себе вечную женственность и вечную святость. Таковы законы мистерии.

Двухдневный праздник собирает обычно тысячи людей – и постоянных прихожан, и туристов отовсюду, специально в его дни сюда приезжающих.

Сложная машинерия на куполе, исправно работающая здесь со времён средневековья, позволяет спускаться и поднимать ангелов над толпой, и зрелище это – летающие мальчишки – впечатляющее! В 2000 году «Религиозная мистерия Эльче» была внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Прежде чем вы покинете Базилику святой Марии, не поленитесь подняться по лесенкам на колокольню, отдыхая по пути у экспонатов ещё одного музея – его тут называют Музеем звонаря.

Наверху, у колокола, вас порадуют опять же любимые мною панорамные просторы.

Это пальмовый Эльче. Но к пальмам мы ещё вернёмся.

«А сейчас по программе школьный музей», – сказала гид Беата.

«Музей, так музей, – обречённо кивнул я в ответ, –

но тут же не без удивления переспросил: школьный?».

«Да, это Музей школы Pusol», – уточнила Беата, приглашая меня оторваться от стола.

И, чтобы окончательно сразить меня, расслабленного обильным обедом в придорожном баре, который завершил необозримым количеством трескавшегося от спелости инжира, добавила:

«Это тоже объект ЮНЕСКО».

Так – бывает?

Да, это был не розыгрыш. Museo Escuela de Pusol – Этнографический музей при школе маленькой деревушки Пусоль рядом с Эльче, существующий с 1969 года, в 2009 году был действительно включён в наследие ЮНЕСКО.

Честно: посмотрелся я таких этно-музеев – и в России, и в других странах. Их можно условно разделить на два вида: занудно ностальгические и трогательно иронические. Первые особенно распространены на наших родимых просторах: их создатели абсолютно всерьёз сублимируют свою тоску по советским будням. По скрипучим мясорубкам, на тупые ножи которых каждые три минуты наматывался шмот мяса: не раскрутишь – не продвинешься ни на сантиметр фарша. По магнитофону Aidas, который в процессе прослушивания одной стороны бобины раз пять порвёт плёнку, и её придётся склеивать едкой уксусной эссенцией, больно разъедающей пальцы. Ну, и так далее. Вторые крайне редки: в России видел один такой – «Музей советского детства» в Казани.

Там тоже ностальгия присутствует, но не надрывная, а трогательно-нежная – именно что по детским годам с глупомордыми пластмассовыми пупсами, крикливыми пионерскими горнами, потрескавшейся гитарой-шестистрункой, особенно классно звучащей в «блатном» репертуаре твоего соседнего подъезда.

В таких музеях тебя накрывает грустная любовь – нет, не к эпохе, а к этому ушедшему и невозвратимому: к детству, отрочеству, юности – как сказал бы классик.

Музей школы Пусоль – как раз об этом: с любовью и нежной иронией в нём тебе расскажут о том, как бабушки нынешних учениц были девочками.

Встретили нас две девочки лет 12. Это были дежурные экскурсоводы. «Каждый день они тут новые, – пояснила мне Беата, – все классы, кроме самых малышей, по музею дежурят. Дети знают, как деревня жила во времена их бабушек и дедушек». Девчушки что-то быстро лопотали, охотно позируя перед фотокамерой за партами и у доски «из глубокой старины» 90-х годов прошлого века.

А потом им на помощь пришла Кармен! Вообще-то её звали Мариан, и она была главным музейным экскурсоводом, но, если бы я снимал фильм о Кармен (не по опере Бизе, а по новелле Мериме), то, несомненно, приехал бы к Мариан в Пусоль с официальным предложением главной роли. Потому что пронзительно хрупкая и обаятельно экспансивная Мариан явила мне образ испанской женственности и страст-

ности.

В её рассказе о музейных экспонатах – от ткацких станков и линотипов до коллекции некогда модных шляпок – присутствовало не только знание каждого предмета, но и артистизмом воплощения в того самого человека из «глубин» прошлого, в которых ей, в силу молодости, жить не довелось.

А за столиком сапожника Мариан продемонстрировала нам экспресс мастер-класс по пошиву традиционных валенсийских башмаков – альпаргат. Ну надо же! Ведь меньше часу назад, за обедом Беата обратила моё внимание на ноги крестьянина у стойки: «Такие тут все носят».

Понятно, почему ЮНЕСКО заприметило именно этот провинциальный школьный музей: он – не «пыльный», он живой и страстный!

А ещё известен Эльче широкому кругу туристической общественности как город пальм. Чтобы убедиться в этом, на самом деле, нет необходимости взбираться на колокольню Базилики святой Марии и любоваться оттуда «пальмовым морем», хоть это и вам непременно понравится. И даже не обязательно статистику штудировать. Хотя факт она вам предъявит прелюбопытнейший: население города – около 240 тысяч человек, а пальм в нём, не поверите, примерно 260 тысяч! То есть на каждого жителя – по пальме плюс ещё несколько веточек.

А посему у людей не бедных тут сложилась традиция: считается хорошим тоном взять «под опеку» какую-нибудь осо-

бенную пальму или даже пальмовый «куст» (в иных таких «кустиках» по 5—7 гигантских деревьев): оплачивать уход, полив, обрезку и прочие процедуры. Вот, например, некий Рико Роман увековечил своё имя у пяти мощных стволов, о чём и сообщает табличка.

Пальмы тут повсюду: едешь по улице – слева и справа сначала вереница пальм, а уже чуть поодаль – здания. И просто пальмовые заросли за заборами и заборчиками, а то и вовсе без оных: пальмовых парков множество.

Главный же пальмовый парк – Huerto del Cura. Здесь вам, например, подробно расскажут, как пальмы, завезённые в Испанию из Африки, использовались со старинных времён в качестве «зонтиков» для создания тени, в которой выращивались иные, менее теплолюбивые плодовые деревья, а потому у пальмовой рассадки – весьма специфическая геометрия.

Проведут и экскурсию по небольшому музею, из экспозиции которого вы узнаете, какие бывают пальмы, на что принято использовать их плоды, а также какую красоту и какие полезные в быту предметы можно сплести из их веток и листьев.

Выйдя из Huerto del Cura, мы присели за столик в соседней открытой кофейне. И через какое-то время обратили внимание, что к нашему разговору прислушивается дама за столиком рядом. Повернулись – улыбнулись. Нет, русского языка она не понимала, но каким-то неведомым обра-

зом догадалась, что мы обсуждаем «пальмовую» тему (впрочем, слово-то международное). Оказалось, что семья сеньоры много лет и поколений владела территорией Huerto del Cuga, а потом, когда вести это хозяйство стало делом очень уж обременительным, согласилась на то, чтобы город выкупил у неё эту собственность. «Они там всё привели в порядок, облагородили, даже музей в нашем доме сделали, но... что-то пропало», – и наша собеседница ностальгически скосила взгляд на фамильное наследие. Когда же мы попросили её назвать своё имя и подробнее рассказать о семейной истории, дама махнула рукой: да ну, не стоит.

«Пальмовую» тему продолжила и наша прогулка по муниципальному парку. Но тут пальмы не самодовлеют: много и иных зеленеющих красот.

Особенно же романтичен городской Ботанический сад. Не зря по нему любили гулять иные знатные и даже царственные персоны. В том числе и легендарная австрийская императрица Елизавета Баварская (более известная под именем Сисси, а нашим современникам – по фильму «Сисси – молодая императрица», в котором её сыграла великолепная Роми Шнайдер). Бюст императрицы красуется в одной из аллей Ботанического сада, а в соседней высится «пятицветье» царственных пальм, названных в её честь. Картину райского сада дополняют белые павлины... и неизменная Дама из Эльче.

Вот, казалось бы, круг замкнулся: начался наш разговор

о городе с Дамы из Эльче, срезонировал в детских образах «Религиозной мистерии Эльче». После чего неожиданным отблеском отразился в витринах Музея школы в деревне Пу- соль и сквозь пальмовые заросли вновь воплотился в одну из статуй Дамы из Эльче в Ботаническом саду.

Ан-нет. Есть неподалёку от Эльче совершенно отдельное, ни на что не похожее место, в которое я влюбился сразу и бесповоротно. Помните же, я начал свой рассказ именно с влюблённости. Так вот, сердце моё на сей раз оказалось покорено – нет, вовсе, странное дело, не женской красотой или зелёными кущами. А болотами!

Так – бывает! Да, и болота бывают прекрасными.

Природный парк El Hondo, на мой вкус, самое невероятное место провинции Валенсия. Он вообще-то формально фиксируется в научных и туристических справочниках как зона, где гнездятся десятки видов перелётных птиц. Птицы птицами – прилетели и улетели (не в обиду орнитологам). Но!

Это не описать словами и даже не запечатлеть камерой – это надо видеть. Нужен ли художник, когда сама Природа эмоциональна и выразительна! Сколько тайн и двусмысленностей может заключать в себе обыкновенный, казалось бы, куст, мерцающий в стоячей воде! Или натянутая меж растений паутинка с запутавшимися в ней насекомыми – она способна представиться моделью мироздания.

И тут вдруг сквозь изморось прорвётся солнце – и El

Hondo предстанет уже совсем другим: не застывшим хаосом бытия, а зеркальным, строго геометричным. И ты задумываешься: может, именно так выглядела планета Земля в момент зарождения человеческой жизни?

Солнце, пальмы, дамы в здешних и нездешних воплощениях – вот он, казалось бы, классический образ южно-испанского рая. И на тебе – El Hondo!

Впрочем, El Hondo не разрушает, а лишь по-своему дополняет райско-пальмовую идиллию. Ведь мир – он прекрасный и разный.

Сентябрь 2019

Маленькая площадь большой гармонии

Есть такие места в мире, которые я мысленно называю: «Фотограф, застрелись!» Это, например, Манхэттен в Нью-Йорке, где моей фотокамере просто не хватает пространства: небоскребы нависают над тобой, и невозможно вместить в кадр какую-никакую выразительную картинку. Тот же эффект – в Гонконге, в некоторых районах Шанхая. Единственный выход – взобраться на смотровую площадку какого-нибудь супер-отеля, но картинка при этом будет всё равно другая: вид сверху.

«ФОТОГРАФ, ЗАСТРЕЛИСЬ!»

Да и бог с ними, с небоскрёбами – сверкающая панелями вертикальная архитектура, порождение XX века, меня меньше всего вдохновляет на фото-экзерсисы. Потому как, за редким исключением, одинаковая. Но когда такое же происходит в старой Италии... это уж точно: «Фотограф, застрелись!»

Так сложилось, что во Флоренции я бывал раза три-четыре, но всякий раз – по 5—6 часов, не более. И нет чтобы (как однажды случай подарил такое счастье) целую неделю один

на один с Венецией. У меня с Флоренцией в этом смысле незавершённый гештальт.

Понятное дело, в такой ситуации, когда счёт идёт на часы, ты куда спешишь? Конечно, в самый центр. Конечно, к Санта-Мария-дель-Фьоре. Люблю я этот флорентийский Дуомо. И не за то, что ему больше 700 лет. И не за то, что он пятый в мире по размерам. И даже не за неподражаемое барокко в оформлении его стен – с какой из четырёх сторон ни подойди.

А за цвет.

Это невероятное сочетание розового с белым и природным зелёным (ваш монитор, возможно, неточно его передаст) создаёт во мне ощущение такой дефицитной, такой востребованной в наши дни гармонии... А придумал его совсем, по историческим меркам, недавно, в конце XIX века, Эмилио де Фабрис, занимавшийся в 1876—1887 годах реставрацией флорентийского Кафедрального собора.

И, знаете, я ведь не сразу догадался, что это – оттеночная, конечно, но, в принципе, имитация цветов итальянского флага. Остаётся выяснить, чьего авторства гармоничная цветовая гамма национального знамени. Впрочем, тут уже совсем другая тема.

Да, у кого-то есть «места силы». У меня – несколько в мире мест гармонии (с местами «Фотограф, застрелись!» они никак не коррелируются). И одно из них – площадь Дуомо перед фасадом Санта-Мария-дель-Фьоре. Здесь хочется

остаться: пить кофе с «Амаретто» и с фисташковым мороженым. Засматриваться на стройных итальянок. Придумывать романтические сюжеты. Пресвятая Дева Мария – по флорентийской традиции, с цветами, ведь Флоренция – город цветов, осеняет тебя такой любовью и такой благостью, что мне лично вовсе даже не обязательно заходить внутрь собора (внутри он, скажем так, поскромнее): достаточно просто побыть рядом.

Но она, эта прекрасная площадь, на редкость невелика, я бы даже сказал, тесновата. И потому сделать красивое фото Дуомо в полном кадре – практически нереально: отходишь, отходишь и упираешься спиной в соседнее здание (а там, за спиной, такие резные двери!), а собор по-прежнему не весь в кадре. Потому и снимал я его кусочками, фрагментами.

Да, можно преодолеть 441 ступеньку, подняться на стоящую рядом с храмом не менее знаменитую колокольню Джотто и снять оттуда, но... это будет фото части купола и ещё чуть-чуть крыши собора: он ведь повыше колокольни – 114 метров вместе с крестом.

ДО И ПОСЛЕ ДЖОТТО

А в колокольне «всего» 88-метров. Её начали здесь строить 18 июля 1334 года, собор к тому времени уже стоял (в 1296 году его начали возводить), но достраивался – аж до 1436 года. 18 июля, 686 лет назад, сам 67-летний Вели-

кий Мастер Джотто ди Бондоне торжественно её первый камень. Благословил строительство Кампанилы (колокольни) епископ фиорентийский. Но через три года Джотто умер, и к этому времени был возведен лишь первый ярус колокольни. Потом, в 1348 году, работы прервала чумная эпидемия (та, что описана в «Декамероне» Джованни Боккаччо). Закончилось строительство колокольни 1359 (завершили его строго по первоначальному проекту Андреа Пизано и Франческо Таленти), то есть продолжалось оно 25 лет.

У Кампанилы (которая, смотрите, почти влезла в мой кадр) частично та же колористика – бело-розово-зелёная, она меня как не гармонизирует: за душу не берёт. Может, из-за вертикальности?

А вот классического коричневого тона купол Санта-Мария-дель-Фьоре (в той мере, в какой он доступен моему взгляду) гармонизирует. У него своя история. Вообще-то в XV веке построить купол на такой высоте считалось невозможным: как поднять материалы на более чем стометровую высоту да ещё и сделать остов таким прочным, чтобы не обрушился при строительстве или со временем?

Так вот, архитектор и инженер (это же Возрождение – гении умели всё!) Филиппо Брунеллески, спроектировав восьмигранник башни, ещё и изобрел новые по тем временам механизмы, позволившие поднять часть каркаса под каждую грань отдельно – и скрепить их воедино lanternной – фонарной башней. И вот эта «пимпочка» (ну, в масштабах собора)

всё держит! Каркас до сих пор выдерживает почти 40 тысяч тонный купол!

Первоначально, лет этак 100, купол изнутри был просто покрыт белой краской: по задумке авторов, он и так красив. Но во второй половине XVI века Федерико Цуккари и Джорджио Вазари расписали его фресками, изобразив на них сюжеты Страшного суда: обитель Ада, смертные грехи, Антихрист, старцы Апокалипсиса, Мадонна, ангелы. Сегодня есть сторонники идеи вернуть куполу его первоначальный вид. Мне она как-то не по душе.

И напоследок – легенда. Возможно, я ее услышал в один из своих приездов во Флоренцию. А может быть, она мне привиделась, посетила меня в виде сна в одну из коротких летних итальянских ночей, под влиянием избыточных тосканских вин. Только вот, по этой легенде, сеньор Филиппо Брунеллески, ревизуя надёжность и гармоничность своей купольной конструкции, ходил вдоль неё и постукивал по граням камертоном – та ли музыка, тот ли тон? Гармония на звук.

Нет, мы не станем вспоминать банальности, вроде того, что архитектура – это застывшая музыка, музыка в камне. А просто по-пушкински (или по-моцартовски?) поднимем тост «за искренний союз, связующий Моцарта и Сальери, двух сыновей гармонии». Потому как гармонизирующая музыкальность архитектуры всё-таки неоспорима.

Ну, а Италия – она вся такая: страна-гармония.

Июль 2020

Гамбийский гамбит: опасайтесь фантазий

Отправляясь в новую для себя страну, мы, как правило, совершаем одну и ту же ошибку. Это завышенные ожидания. Признайтесь, живет ведь и в вас надежда открыть наконец свое эльдорадо? Прямо как в любви: узрев некий романтизированный нами облик, мы наделяем его чертами, существующими лишь в наших фантазиях. А потом удивляемся: и почему она не та, о какой мне мечталась?

КРОКОДИЛЫ, ПАЛЬМЫ, БАОБАБЫ...

С Гамбией у меня поначалу так и вышло: представлял её в антураже старой песни Александра Городницкого: «Крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла». И неважно, что события в песне происходят «в Сенегале, братцы, в Сенегале» – соседней стране, что на карте как бы заключает в свои широкие объятия стройную и длинную Гамбию с одноимённой рекой в качестве «позвоночника».

Наличие первых трёх существей (крокодилы, пальмы, баобабы) Гамбия при встрече подтвердила. Впечатлили, правда, лишь баобабы с их наподобие елочных игрушек висящими на «веревочке» плодами.

О четвертой, если подразумевать под нею гамбийскую женственность, мы ещё поговорим. Замечу пока лишь то, что девушки Гамбии для европейского мужчины – почти инопланетянки. И вовсе не из-за цвета кожи – он вообще на моё лично восприятие красоты не влияет. Непривычна даже не стебелеподобная стройность (недоедают?) большинства из них. А их лица с этим странным, куда-то в «иные миры» устремленным, очень внутренним взглядом.

Но это всё эмоции. Если же всерьёз говорить о Гамбии как о стране потенциального туризма, то – совсем уж по-честному – страна очень бедная, даже по африканским меркам. А с недавних пор, когда из неё сбежал (уже после моего визита) проигравший выборы экс-президент, прихватив с со-

бой всю государственную «каассу», стала ещё беднее.

Два главных гамбийских города – Серекунда, самый большой, и Банжул, столица – представляют собой череду убогих жилищ, фактически фавел: в тесных строениях обитают простые гамбийские семьи с бесчисленным (похоже, и ля самих родителей) количеством детей. Плюс пара-тройка «центровых» улиц с магазинами, ресторанчиками, отелями, аптеками и госучреждениями. Ни одно из зданий не «обезображено» архитектурными изысками: похоже, гамбийцы (да и «опекавшие» их прежде англичане) никогда не заморочивались красотой того, что строили.

Дороги по стране, в целом, среднеафриканские: основные трассы довольно гладки, но упаси господь свернуть налево-направо, к какому-нибудь из чуть отдалённых объектов – это будут уже практически «американские» микрогорки.

Качественной отельной базы почти. Есть на всю страну максимум десятков более или менее приличных отелей с кондиционированным воздухом в номерах, что при здешнем климате существенно. Есть и несколько маленьких, бутиковых, содержащихся вполне по-европейски приехавшими сюда (как правило, по большой любви – к стране или к отдельному конкретному её обитателю) европейцами – чаще всего, голландцами.

К большинству же кемпов следует накануне поселения внимательно присмотреться в интернете – отзывы точно найдутся: в них вас вполне даже могут встретить не только хо-

лодной водой в душе и гоняющим теплый воздух вентилятором вместо кондиционера, а ещё и вырубаящимся с завидной регулярностью генератором электричества.

Но главным сюрпризом окажутся насекомые, которые вызовут у вас, я не сомневаюсь, отнюдь не восторг исследователя-энтомолога. С комарами, кстати, а уж тем более малярийными, не повстречался ни разу, хотя антималярийными таблетками запасся.

Это я всё к тому, что, если вы – турист-отпускник, намеренный в комфорте и уюте провести свои дни отдыха от «лихорадки буден» (к слову: прививка от жёлтой лихорадки, сделанная перед выездом, будет не лишней), то вам подобные условия ещё поискать придётся. И найдёте «что-то совсем не то». Так ведь сами виноваты: у вас были завышенные ожидания. Гамбия, повторяю, страна бедная, очень бедная.

Ну, а если вы – заядлый путешественник и, желательно, неизбалованный, непритязательный, неискушенный... Тут вашему любопытству пища найдётся.

Мне возразят: ежели речь о неких африканских природных артефактах, то они имеются и в других странах континента. Это так, только вот путешествие по Гамбии обойдётся вам несоизмеримо дешевле, чем по большинству африканских стран.

ТУРИСТ vs ПУТЕШЕСТВЕННИК

Только давайте сначала договоримся о терминах. Чем ту-

рист отличается от путешественника? Первый покупает тур или даже сам формирует его в онлайне. Ищет максимально комфортный за минимальные деньги отель, предпочитая, чтобы там его кормили-поили, не особо беспокоили, дав возможность расслабляться на морском песочке и в неге волн.

И, может быть, иногда, но нечасто «за ручку» отвели бы к какому-нибудь представителю местной фауны – крокодилу/ бегемоту, чей образ он смутно помнит по школьному букварю или по «заочным» телетурам. Но, в принципе, он, турист, готов обойтись и без этого.

Путешественник прибывает в очередную избранную им страну с заранее горящим взором. Он вполне-таки готов спать, где попало, есть в любой придорожной забегаловке. И смотреть, смотреть, смотреть. Особенно, если ещё мало чего видел.

Гамбия, по большому счету, для второго типа. Хотя... здешние два-три пляжа с песочком вполне устроят и первый. Но чего-то («турецко-египетского», наверное) ему, туристу, всё же будет не хватать.

Признаюсь, я жаден до ярких впечатлений и острых ощущений, красивых картинок бытия и чувственных наслаждений, и в этом смысле я, конечно же, путешественник. Но... в качестве одного из скромных экспертов туррынка просто обязан оценивать каждую новую для себя страну ещё и глазами среднестатистического российского туриста.

Такой вот почти шахматный «гамбит» восприятия.

И ведь в партии турист vs путешественник каждая из сторон неизбежно должна чем-то пожертвовать – чтобы рассчитывать в итоге на успех.

Но гамбийскую «партию» неизбежно выиграет путешественник: у него тут изначальный гандикап. А потому мой рассказ будет больше не о том, чего нет в Гамбии, а о том, что в ней есть шанс можно увидеть.

А МОЖНО БЕЗ НАСЕКОМЫХ?

Неплохие отели в стране, на самом деле, как я говорил, всё же есть. Хозяин одного из них, давно облюбовавший эти края голландец Питер Энгельс встретил нас в своем довольно зелёном и уютном Ngala hotel, где мы провели первые две ночи, освежающим пивом со своей исторической родины и светской беседой. А проводил отменным, в европейской традиции, ужином, который сопровождался – немножко-немало – фэшн-показом моделей чуть ли не самого известного гамбийского модельера (!), дамы с хорошими манерами и вполне современным подходом к своему ремеслу.

Мне, словом, понравились и наряды, и представлявшие их девушки. Номер был большим и прохладным, персонал неплохо обучен. Резервировать такой отель, правда, надо очень заранее – он невелик.

Ещё меньше, всего-то 6 комнат, и ещё круче бутик-отель Leo's – здесь, у кромки бассейна, под шум плещущихся чуть поодаль волн океана, нас покормили прощальным

обедом, после чего владелица этого оазиса дизайна Нина Вальц, прибывшая сюда из Австрии, показала сами стильно оформленные комнаты по весьма скромным ценам: €100—120 за ночь.

Из Европы родом и хозяйка кэмпa AbCa's Creek Lodge, разбитого на очень красивой территории, где можно приятно провести вечер, сидя с коктейлем у воды, слушая музыку или наблюдая за гамбийскими танцами, а комнаты в бунгало хоть и похуже, чем в вышеназванных отелях, но для кэмпa вполне сносные... и даже без насекомых.

Есть ещё в Серекунде и огромная «Сенегамбия», считающаяся чуть ли не главным местом размещения в стране. На её пышно-зеленой территории снуют мартышки и плещутся в бассейнах пожилые пары – английские, испанские, а в поисках своего корпуса я несколько раз потерялся. Но это, в целом, вполне приличная «трёшка» – и по сервису, и по цене.

Так, собственно, на её фасаде и обозначено.

ОХ, НЕЛЁГКАЯ ЭТО ОХОТА... НА БЕГЕМОТА

Теперь про то, что посмотреть. Африканская природа (флора с фауной) в Гамбии пусть не роскошно, но всё же представлена. Прогулка по заливу меж мангровых зарослей на старой лодке с болтливым лодочником, мимо латанных-перелатанных причалов и мостиков – это, конечно, очень фактурно и аутентично с точки зрения «картинки».

Но уж лучше плыть с целью – например, поохотиться на бегемота. То есть, конечно, «пофотоохотиться».

Если вы не бывали в Кении, Танзании, ЮАР, Ботсване и других странах обитания знаменитой «африканской пятёрки» – представителей здешнего животного мира, то фауна Гамбии вас не сильно разочарует.

Осторожно, чтобы не спугнуть зверя, поплавав час-полтора по её мутным водам реки Гамбия, вы наверняка выследите это застенчивое (всё прячется и прячется в прибрежных зарослях) и только с виду незлобивое чудище, способное, ежели оно не в духе, легким движением плечика опрокинуть нечто помощнее, чем ваше судёнышко. «Малыш» - бегемотик через какое-то время покажет из воды сначала ушки и глазки, а если терпение вам не изменит, то вы будете в конце концов вознаграждены и лицезрением его покато́й спинки.

А вот кто абсолютно лишен скромности и нелюдимости, так это мартышки. Они тут всюду, даже транспорт на трассах тормозят: мол, куда разогнался, мне дорогу перейти надобно! В Monkey Park неподалеку от Серекунды сии нахальные существа поначалу измерят вас презрительным взглядом особи более древней, чем «это двуногое в тряпках», но как только заметят в ваших руках еду, уже не отстанут: пообещал – люби и корми!

Я так и не понял, каков характер у крокодилов, к которым нас без особых предосторожностей подвели на местной кро-

кодилей ферме – то ли этим не сильно симпатичным тварям перед визитом туристов дают что-то «покурить», то ли уж очень сыты они были к моменту нашего посещения. Но до того они казались индифферентными и сонными, что кое-кто даже решился погладить свою «потенциальную сумочку».

А ещё здесь много птиц – и всяких-разных: от попугайчиков и канареек до грифов. Через пару недель после нашего визита в Гамбии планировался Международный фестиваль птиц, и кэмп, где он должен был проходить, спешно застраивался. Корпуса как корпуса – скорее, для неприхотливого путешественника, а не для капризного туриста. Но витающим в небесах орнитологам, судя по всему, этого и хватит.

О музеях. Их я вообще-то воспринял тут как часть природы. Тем более, что один из них – этнографический – располагается как раз при крокодилей ферме, и в нём нас погрузили в мистику домусульманских верований этих краёв. Особенно лично меня заинтересовал персонаж по имени Жужу (вовсе не болонка, а некий дух), помогающий мужчине влюбиться в себя девушку.

Ещё два гамбийских музея напрямую связаны с временами английской колонизации. Один из них – в рассыпающейся под ветрами и зноем крепости Fort Bullen прямо на берегу – скромн донельзя, но представление о романтических временах, когда эти стены бастиона выдерживали регулярные пиратские набеги, всё же даёт.

К другому надо переплавляться на лодке до острова Kunta Kinten Island (иначе James Island). Это что-то вроде обломков британской военизированной цивилизации: вон тот кусок стены – бывший штаб гарнизона, здесь некогда располагалась казарма, а тут – офицерский клуб. Восстановить бы, да денег нет.

Хотя, мне кажется, начинать, надо бы даже не с этого объекта. А с того, например, чтобы построить приличное, подobaющее здание для Национального исторического музея. Пока же, при том, что коллекция тут довольно интересная, он располагается в строении, напоминающем, скорее, сельский краеведческий музей.

Особняком своего рода – музей под открытым небом Wassu Stone Circle. Это небольшие, но странной формы и в странном порядке расставленные (природой?) каменюги, которые кому-то напомнят далекий остров Пасхи, а кому-то наш Маньчжуня. Экскурсовод здесь будет рассказывать вам про свой объект загадочные, полные мистики истории, в которые в какой-то момент даже захочется поверить.

ДЕТИ ГАМБИИ

Сейчас скажу банальность. Самое интересное в Гамбии – люди. И, поверьте, это не фигура речи.

Наблюдал я за лицами и на паромных переправах с берега на берег реки Гамбия, и на рынках – вроде бы обычных южных базарах, шумных, азартных и бестолковых. Но тор-

гующие и покупающие здесь создают некое обобщённое лицо толпы, из которого, впрочем, проступают и лица индивидуальные.

А вот в рыбацкой деревне Танџи обобщить толпу у меня не получилось: слишком уж самобытным было каждое из лиц: лодочник, раскрашивающий свою шхуну, копильщик у рядов рыбин, заготовленных для обработки, сами рыбаки, затягивающие свои пестрые судёнышки на сушу и распутывающие сети, парень с девушкой, с природной простотой и естественностью не скрывающие свои чувства друг к другу.

Помните, я намекал на «инопланетность» гамбийских девушек? Они действительно красивы – но странной красотой: представить такую «подружку» под одной крышей (не говоря уже про общую постель) с тобой, европейцем, сложно... хотя, с другой стороны, наверняка это был бы необычный опыт.

(В скобках замечу: весьма популярен тут, поскольку, видимо, дешёв секс-туризм – за соседними столиками и на пляжных лежаках не раз замечал белого дедушку с чёрненькой «внучкой»... впрочем, дама-европейка с юношей-аборигеном – тоже не редкость). На самом деле, они, эти загадочные красотки, и взрослея, старея, остаются в наших глазах такими же «нездешними».

Да и мужчины – тоже совсем иные, особенные. Хотя бы наш гид Маму. Прекрасно говорит по-английски (вообще-то

это тут государственный язык, который, помимо языка своего племени, а их в Гамбии семь, знает каждый ребёнок). Удачно трудоустроен: работает в минтуризма страны, а госслужба – это стабильность, надёжный заработок. Молод. Но гулянки, девушки – пока мимо. Почему? – спрашиваю.

«Мне надо сначала сёстрам образование дать», – вот так он свой аскетизм объясняет. Их, сестёр, у него несколько – семьи тут многодетные. Побывали мы в доме у старшей из них: взрослая, дама с мужем и детишками живет в довольно богатом, по гамбийским меркам, доме. Но и её Маму своими заботами не оставляет: таких, как мы, туристов приводит, и устраивают им тут мастер-классы по приготовлению местных блюд с предварительной, входящей в программу покупкой продуктов на базаре. Сам мастер-класс для меня лично состоял в нарезании большого количества лука – а это дело нехитрое. Но интересна была семейная атмосфера. И лица кухаривших женщин.

В лица привычно вглядывался я и когда нас привели в какой-то ещё один многосемейный двор, в центре которого сидел дед, попросивший его непременно сфотографировать («Через год вдруг умру» – почти мечтательно объявил он), а вокруг сновало с полтора десятка женщин, некоторые беременные, и, наверное, с полсотни детишек, в большинстве своём худющих. За каждым белым человеком малыши бежали стайкой, вытянув указующие пальчики и крича какое-то слово (его нам скромно перевели, как «белый, белый!»),

а получив конфетку, многие тянули её в рот прямо с фантиком.

Дед же сидел тихо и ухмылялся, и это вызвало у меня подозрение, что вся эта малышня – от него. А насчет ожидаемой смерти – это, знаете ли, кокетство. Впрочем, в одной из комнатёнок двора мы обнаружили второго мужчину: то был местный шаман, он что-то прищёпывал и страшно вертел глазами. Так что, может, и он частично «нашаманил» этих маленьких гамбият.

А потом мы оказались в некоей «специальной» этно-деревне. Встречали нас там, как лучших друзей, водили по неброским жилищам, где кто-то варил обед, кто-то кормил грудью младенца, а кто-то и затягивал гостей в странные движения гамбийского танца.

В школе, которая оказалась совсем рядом, шли занятия, а свободная от них ребятня слонялась вслед за нами привычной уже вереницей, выглядя при этом вполне ухоженной и даже компетентной в поедании конфет без фантиков. Прощаясь нам скажут, что мы, русские, вообще-то были всё-таки не первыми белыми посетителями этой образцово-показательной деревни. Вторыми.

Не удержался я – подхватил одну малышку на руки, с другими сфотографировался. Знаете, они потрясающие! Огромные чёрные глазки. Абсолютная – природная – открытость миру. В общем, влюбился я в гамбийских деток.

А они охотно позировали моей фотокамере – я ведь каж-

дому говорил сокровенную фразу:

You are very beautiful! И я не врал – детям врать нельзя.
В Гамбии всё же немало красоты.

Она ведь в глазах смотрящего.

Октябрь 2016

Взглянуть в глаза леопарду

Цивилизация устала. От себя самой. От стремительных хайвеев, от прорывающих облака даунтаунов, от мгновенной «доставки» информации в виртуале, от умных отелей, где всё работает, предвкушая твои желания. Нет, всё это «взять и отменить» было бы глупо. Но хочется и противовеса. Ощутить себя покорителем хоть небольшой, но вершины. Поужинать на берегу реки, из которой тебя исподлобья измеряют взглядом ещё не ужинавшие крокодилы-бегемоты. Пересечься взглядами с сидящим на холме и думающим о вечном леопардом. Хочется? Тогда нам в Кению!

ЕДЯТ САМЫХ БЕСТОЛКОВЫХ

Национальный парк Maasai Mara расположен на юго-западе страны, и пересекает его та самая река Мара, из которой на вас будут индифферентно глазеть крокодилы-бегемоты. Индифферентно – потому, что вы – никакая для них не добыча: звери к туристам-джиперам привыкли. Понимают, что гоняться за этой железякой на четырех круглых «ногах» бесполезно. Бегемоты, впрочем, и без того предпочитают береговую травку.

Кения – из числа африканских стран, где власти давно уже поняли, что без туризма невозможно развивать те необъятные территории, которыми их щедро наградила природа. Саванну не охватить взглядом! И красота у неё – очень своеобразная. Мы сюда попали в период цветения, и даже без зверей это было невероятно.

Но без зверей тут просто не бывает. Вон – смотрим, снимаем! – совсем рядом пробежал страус. А поодаль выстроились и сурово буравят вас взглядами «секюрити саванн» – баффало, а проще буйволы, рогатые и brutальные, вот уж точно к кому не подходи: съесть не съест, но забодать норовит.

А эти элегантные малышки зовутся газелями Томсона. Не знаю, кто был сам Томсон, но, как видно, заслужил, что его именем назвали таких лапочек. Им повезло: не особо жалуют их хищники – мяса маловато. Не особо охочи плотоядные и до жирафов (смотрите, эти стройняшки, спокойно прогуливаются вдоль кустарника!). Такого длинноногого красавца даже с самой суровой голодухи не догонишь, да и видит он опасность издалека.

Едят более бестолковых. Ничего не хочу сказать плохого об антилопах гну, мне говорили, что они очень чадолюбивы, трогательно ухаживают за больными особями. Но броуновски бестолково носящиеся по саванне огромные стада несуразных, буйнобородатых гнушек – увы, одно из самых доступных блюд для «сильных мира сего», хозяев саванны. От-

носителем легкая добыча для хищника – и зебра. Во-первых, зебр очень много: плодовиты они, как видно. Во-вторых, зебры красивы такой... пожалуй, ренуаровской красотой: объемное тело, тяжелая попа, что делает их привлекательными для тех, кого природа не определила в вегетарианцы... и снижает шансы сбежать.

А вот сами «веганы в натуре» на здешних просторах живут дружно, без звериного «шовинизма». Да и что делить слону и носорогу, бородавочнику и зебре? Трав в саванне хватит на всех.

Но – внимание: наш гид-водитель притормозил и свернул к зарослям кустарника. Ух ты... Это они. Их Высочества!

ЗВЕРИ ЛУЧШЕ ЛЮДЕЙ

Полдень, и это одна из первых наших поездок по саванне. Солнце пригрело зеленые кочки, и на одной из которых мирно спят две львицы. Похоже, поутру они удачно поохотились. Покормили мужей (львы, как правило, сами не охотятся: ждут, пока «дамы» принесут им добычу в зубах) и львят. Теперь отдыхают.

Как же прекрасны все эти кошачьи! Львиц мы встретим тут ещё много раз. Набрёдем однажды и на спящих гривастых львов, от шума нашего джипа лениво пробуждающихся, высокомерно обозревающих тебя и вновь засыпающих. И уже почти перед отъездом подъедем практически вплотную к небольшому холмику с романтично медитирующим

леопардом. Минут 40 мы будем крутиться вокруг да около. Вызовем по рации второй джип с коллегами. Наши фотокамеры и смартфоны в конце концов разбудят своим стрекотанием тишину саванны. А он, как античный бог, всё будет мыслить какую-то свою мысль, игнорируя это дребезжание суеты вовне. Потом на минутку повернет к нам, чуть наклонив, свой скульптурный лик – и улыбнется улыбкой Будды... или мне это только покажется. Такого целиком извьянного из красоты зверя здесь почему-то называют смешным (в соответствии с нашими «докторайболитовскими» ассоциациями) именем Чита – Cheetah. Но, по мне, никакая он не чита-брита, а истинный Принц мудрости живой природы. Тот, кому улыбнется Чита, приобщается к сокровенной тайне. Какой? Так я вам и признался. Это опыт интимный.

Поверьте, ради таких вот визуальных чудес, ради этих эмоций поедешь на край-краёв света, а не только в относительно близкую к нам Кению. Страну, где я укрепился в давно уже теплившейся во мне сентенции: звери лучше людей. Они не умеют врать, притворяться и «играть роли».

А люди играют. Почти всегда. И даже тут, в окружении естественного, непритворного мира. Роли эти, как правило, диктуются социумом: человек – особь, как известно, социальная. И это не хорошо и не плохо. Так устроен мир.

Так, по структурно-ролевому принципу, устроен и мировой туризм. В нем обязательным звеном (в большой цепочке транспорт-отель-ресторан-сувениры и так далее) фигури-

рует турпродукт – объект показа. В Кении такой ключевой объект показа – саванны, Национальные парки и обитающие в них дикие животные. На это страна сделала ставку, и выигрыш давно уже крут: миллионы уставших от цивилизации людей едут сюда со всех концов планеты, принося гигантские доходы стране, которая, как и другие африканские государства, некогда была, а в ряде районов и остается и теперь, не слишком богатой. Однако сегодня Кения – среди заметных держав на туристической карте мира.

МАСАИ КАК ОБЪЕКТ ПОКАЗА

Проживают в саваннах, впрочем, не одни лишь дикие животные. Человек, мало-мальски искушенный в путешествиях, наверняка наслышан о масаях – этнически аутентичном африканском племени, чей быт, чья культура привлекают любопытствующих туристов отовсюду. В одной только Кении – пять миллионов масаев. Власти страны их всячески поддерживают. Например, платят каждому масаю определенную сумму денег за то, чтобы тот не убивал львов. Или это они львов так поддерживают? Впрочем, неважно.

Масаи в Кении давно уже стали объектом показа. На восторженных туристов это действует безотказно.

Перед Maasai villige нас встретил стройный парень в ярко-красной национальной одежде. Он представился гидом и прочитал нам хорошо отрепетированную мини-лекцию о быте и нравах племени масаи. О принятом здесь много-

женстве. Все работы в семье – на женщине, вплоть до строительства дома. Мужчина же лишь охраняет жилище от диких животных. Ну да, дело важное.

После чего зазвучала музыка, и с песней на устах к нам вышел еще десяток таких же красивых, ухоженных, в красных нарядах масаев. Они исполнили нам масайский (очень милый, такой «попрыгунский») танец, завлекли, как полагается, в пляс и каждого из нас. И мы в удовольствие попрыгали вместе с масайским народным ансамблем песни и пляски имени уж не знаю кого, сфотографировались на память. Потом, просматривая те фото, я заметил: какие-то уж очень деловитые у народных артистов лица – в отличие от наших, на которых прямо-таки написан кайф. Впрочем, чему удивляться? Люди на работе.

Нас завели в поселок, где вроде как живет шесть масайских семей, проводили в одно из жилищ – темную, без электричества мазанку с замусоренными комнатусками-клетушками: эта – для сна, эта – для еды. Здесь, мол, мы и обитаем. Показали нам, как они, масаи, добывают огонь – трением. И всё – и музыкальные номера, и отутюженные наряды, и мастер класс по высеканию искры – выглядело вполне театрально. Мы спросили: а почему одежды – именно красные? Нам ответили (очень «сюжетно»): потому что масаи пьют коровью кровь. В финале экскурсии мы оказались во дворе с длинными столами, на которых были разложены hand made сувениры – такие же мы накануне видели в Най-

роби, но заметно дешевле. Надо было, наверное, что-то купить – поддержать племя. Но я как-то не сподвигся.

Поверьте, всё это я пишу без малейшего осуждения – сформирован, и я это вижу как эксперт, добротный туристический продукт. Голландцы, англичане, бельгийцы, изголодавшиеся по экзотике, потребляют его взахлеб и с чувством глубокого удовлетворения. Но мне чего-то в Maasai villige не хватало. На обратном пути, наблюдая за дурашливыми обезьянами и остолбенелыми гнушами вдоль дороги, я даже понял, чего: естественности живого мира.

Впрочем, как известно, человек от него всё отдаляется, отдаляется... Да, и масаи в том числе.

НЕБЕСА НАД САВАННОЙ

Наверное, чтобы воспринять этот мир совокупным единством, несмотря на все различия между живой природой и цивилизованным человечеством, надо над ним немножко воспарить – в самом прямом смысле слова. Человек летающий всё-таки хоть немного, но ближе к Небесам.

Такую великолепную возможность предоставила нам накануне отъезда из саванны SkyShip Co. ltd, специализирующаяся на Balloon Safaris – то есть на полётах над саванной на воздушном шаре. Полетать нам предстояло на самом рассвете. Что может быть прекраснее рассвета непосредственно в небе? И самые бессонные из группы, включая, понятное дело, автора этих строк, покинули аж в 5 утра наш уютный

Maasai Mara Lodge, вереница бунгалов которого спускается по тропинке вниз с горы, а с террасы раскинулся красивейший вид на окрестности. Их очередному лицемерию во время завтрака мы предпочли панораму покруче – из парящей над саванной корзины.

Как оказалось, нам крупно повезло: местные служащие – масаи, кто же ещё? – в это утро не бастовали, в очередной раз требуя повышения зарплаты, а такое здесь происходит регулярно (масаи знают: побастуем – хозяин прибавит, мы ж масаи!). Не повезло в другом: было довольно ветрено, и наш классической выправки (а я летал на аэростатах и не раз) отважный пилот удерживал наш «шарик» невысоко от земли, не позволяя ему, в целях безопасности, очень уж взмывать. Но ощущение всё равно было чрезвычайное – не только тело-, но и духоподъёмное. Даже чуть приподнимаясь над землёй, ты почти физически ощущаешь себя совсем не отдельным от этой прекрасной планеты. А прямо-таки её частью – как и эти (сверху такие маленькие) слоны, как и эти цветочные луга, пронзаемые голубоватой зеленью реки. Ты – тоже отсюда, из этого мира. Просто на тебя пришёлся именно седьмой день творения. Вот такая случайность! Помни об этом и будь добрее ко всему живому. Оно – твоя родня. Или иное воплощение тебя.

Приземлившись, я с нескрываемой радостью обнаружил, что организаторы не изменили традиции, введенной французами, родоначальниками аэростатного воздухоплавания:

Гилберт Шачар, директор SkyShip Co. Ltd, встретил нас настоящим брютом с изысканными сырами и другой снедью. Ничего не могу с собой сделать: люблю шампанское по утрам!

А завтрак в саванне – это, поверьте, незабываемо.

Потом, тоже в саванне, у нас будет и прощальный ужин: от отеля Maasai Mara Lodge. И от него же – совсем уж прощальный, перед самым вылетом, ещё один выездной завтрак – на берегу реки Мара. И нас, как старых знакомых, будут вновь провожать сытыми взглядами крокодилы-бегемоты. И я пойму, что сафари в саванне, при всем моём немалом опыте путешественника, заполнило в моём сердце какую-то отдельную, пусть крохотную (ведь ему надо так много всего вместить!), но собственную «ячейку», которой предстоит ещё много лет поблескивать звёздочкой нежности. Нежности ко всему живому.

ОДИН ПРОТИВ ШЕСТИ

Ему, живому и нецивилизованному, кстати, сложнее с теми же завтраками – пропитание приходится добывать исключительно самолично.

...Львиц было шесть. Две взрослые, три молодые и одна совсем малышка. Они медленно прочёсывали территорию ищущими взглядами. Сначала остановились перед стадом газелей Томсона. Да, тощенькие, но всё же для раннего часа получше, чем ничего. Те, повернувшись к смертельной

опасности лицом, замороженно глядели, не двигаясь с места, на своих ужасных, но таких гипнотизирующе красивых врагов. Несколько минут тянулось это напряженное противостояние, напомнившее мне чем-то конкурс красоты: два «подиума» – один против другого. Невообразимо хороши собой были и потенциальные жертвы, и потенциальные агрессоры.

Переглянувшись с попутчиками по джипу, мы полушёпотом (дабы не спугнуть явно начинавшуюся драму бытия) поделились странным ощущением: наблюдаем-то мы за происходящим с очевидным сочувствием вовсе не к несчастной добыче, а к охотнику, воспринимая эту охоту совсем не как убийство. А, скорее, как часть природной мистерии, в неизбежном сюжете которой все (в том числе и мы) всех едят.

Но тут, откуда ни возьмись, появился баффало – тот самый могучий секюрити саванны, буйвол. И взоры львиц стремительно обратились в его сторону. Газельку эту вообще-то фиг догонишь, да и мяса в ней, как вы помните, всего ничего. А где-то поодаль, в кустах возлежит в ожидании завтрака пышногривый красавец-муж. Баффало же – это килограммов шестьсот живой, сочной плоти! Есть, за что побороться.

Звериный балет, а это выглядело именно так, продолжался не менее четверти часа. Львицы пытались зайти сзади – куснуть за уязвимое. Но рогатый гигант, самое сильное, могучее животное в саванне, тут же разворачивал к ним своё беспощадное «оружие», и охотницы уныло ретировались.

После двадцатой, наверное, попытки они надолго застыли в тоскливом размышлении: а может, ну его? И баффало, резко повернувшись, с неспешным видом победителя удалился.

«Если бы это была „девочка“, – мечтательно прокомментировал водитель нашего джипа, – то у львиной семейки ещё были бы шансы. Но это же „мальчик“. И недюжинной силы».

«Ну да...», – дружно посочувствовали мы оставшимся без завтрака хищникам.

А они, с безразличием обогнув с двух сторон нашу машину, направились на соседний пригорок – высматривать, не ходит ли где ещё какая-нибудь еда. Мы, homo touristicus, в качестве возможной пищи были львицам абсолютно не интересны. Скука была на их красивых лицах. Одна лишь малышка не скрывала, что расстроена: видно, очень кушать хотелось.

Не верю я Дарвину. Если существует субъект творчества, то должен быть и творец. И не важно, как его называют: Бог, Пришелец или Матрица.

Но никакой «естественный отбор» не способен сделать зебру полосатой, а жирафа – изысканно стройным и рассеивающим со своей «многоэтажности» лучи добра и нежности. Или львов наделить изяществом поступи и таинственно-опасной красотой лика. А газелей Томпсона – трогательной, хоть и стремительной беззащитностью. Дурашливой, игривой подвижностью – бородавочника-пумбу. Бестолковой суетливостью обкурившегося бородача – антилопу гну.

Такое ведь нужно сперва придумать, а потом во-пло-тить: создать во плоти. Так что, друзья, не спорьте: в основе мироздания – исключительно творческое начало.

Кения эти мои «опасения» только подтвердила.

Ноябрь 2016

Аджария на вкус, на цвет, на звук

Сделайте мне красиво! Ну хотя бы в отпуске... С этой мыслью вы обычно спускаетесь с трапа самолета в стране, о которой мечтали... примерно с отпуска предыдущего. Эта мечта помогала вам пережить и занудную российскую зиму, и очередное падение и без того весьма скромных доходов, из которых вы каждый месяц хоть что-то, но откладывали. На будущее лето. На юг, на море, на солнце. На Батуми!

ВЕЗУНЧИК БАТУМИ

И уже с первых минут маленький, какой-то домашний батумский аэропорт встретит вас красками красоты. Первый же цвет по прибытии – желтый. Это солнце. Его отблески повсюду. А потом сразу зелёный – много-много: мы ведь в субтропиках, где всё зеленеет почти круглый год. Мы на курорте!

В лучах солнца мир особенно позитивен: природа, девушки и даже архитектура – всё сияет! С архитектурой Батуми повезло. Строился город в начале прошлого века: нефтяные магнаты (три семьи: братья Нобели, семейство Ротшильдов и Александр Манташев) определили этот порт как базу для транспортировки бакинской нефти в Европу. Именно тогда тут построили изысканные особняки, чем-то и сейчас напоминающие то ли Англию, то ли Францию. Появился вошедший в те годы в моду арт-нуво: в одном таком трехэтажном особнячке сейчас располагается аджарское правительство, в котором, заметим, всего четыре министерства. Все постройки того времени реновированы и ухожены. В старом Батуми, а это всего один квадратный километр, есть чем полюбиться. Кстати, тут, в исторической части города, новое строительство ограничено пятью этажами.

Известное дело, в годы большого советского облома принято было решать жилищную проблему либо в длину (многоподъездно), либо в высоту (многоэтажно). Такие панельные коробки, строившиеся по проекту французских бара-

ков для гастарбайтеров, есть и сейчас в центре Батуми. Да, все понимают: уродство, но на их расселение и снос нужны большие деньги: скученно в них живут традиционно большие грузинские семьи. Но рано или поздно, я верю, Грузия справится и с этой проблемой. Ведь уже в нескольких шагах от этих унылых жилмассивов – стильное здание городского драмтеатра, величественная церковь Святого Николая, современная площадь «Пьяцца Батуми», чем-то напомнившая мне венецианскую Сан Марко. Чуть поодаль – парк 6 мая, в котором одно из первых деревьев посадил ещё Александр III, а сейчас растут и деревья совсем молодые. Если подойти поближе к набережной, то зачём перед Алфавитной башней, украшенной загадочной (конечно, для нас, необученных) вязью грузинских букв, и перед Фонтаном чачи (известной нам заметно лучше), где в разгар сезона из четырёх источников капает крепкий, духоподъёмный напиток: набрал, выпил, отошел – без фанатизма. В Грузии вообще-то пьют немало, но именно что без фанатизма – это просто красивое действие, ритуал, и к нему мы ещё вернемся.

Здесь, у моря, уже в XXI веке выросли во множестве разноформенные, искрящиеся в солнечных бликах здания отелей крупнейших мировых сетей. И знаете, в отличие от железобетонных «хрущоб», они ничуть не «дерутся» с архитектурной стариной. Потому что не прямолинейно стандартны, а каждое – «с характером», выраженным в разнообразии форм. И вполне вписаны в «интерьеры» города. Чтобы

убедиться в этом, прокатитесь над Батуми в вагончике фуникулёра: по пути и с финишной смотровой площадки город выглядит архитектурно целостным, а неказистость зданий XX столетия растворяется в красоте, созданной тут двумя предыдущими столетиями.

ПОГОВОРИ НА МОЁМ ЯЗЫКЕ

Ваши глаза уже получили порцию радости? Значит, есть надежда: следующую российскую зиму вы переживете.

Теперь приласкаем уши: послушаем море. Можно даже не купаться – если не сезон. А просто постоять у парапета Батумской набережной – там, где меж двух пальм некто каменный, с виду как бы турист играет в гольф сердечком (современные скульптуры с сердечками разбросаны по всему городу и стали тут в каком-то смысле образом Батуми).

Я стоял и слушал море. Пока меня практически не оттащили от него: поехали-ка за город! Там, на загородных пляжах, море звучит иначе. И я в этом убедился.

Мы остановились у пляжа, ничуть не напугав весело болтавших грузинских детей. Их ломкие, но уже гортанные голоса сливались с шёпотом морской волны, которую я, вспомнив, что мир делится не только на визуалов и аудиалов, но ещё и на кинестетиков, воспринимающих реальность в ощущениях, решил потрогать – набрать в ладонь. Вода была прохладно будоражащей, и я запустил вдоль волны плоский камешек – чтобы вернуться сюда. Волна мне ответила

что-то нежное и интимное по-грузински. Я, конечно, ничего не понял. Но догадался.

Звуки музыки, этой самой, природной, Аджария продолжала дарить нам и вдали от моря. Этот шум, что-то мне неуловимо напоминавший, слышан был издали: ещё от перил античного (XII – XIII веков) арочного Моста царицы Тамары. Мост всем своим хрупким, женственным изгибом как бы намекал: проходите, проходите меня побыстрее – сейчас будет интересно... вы ведь слышите, там что-то журчит?

Да это Махунцетский водопад! Подойдешь к подножью – захочется присесть на камешек. И сидеть так, сидеть. Вовсе не потому, что устал: подъем довольно крут, но воздух-то чистейший, устать он не даёт. А просто сидеть и слушать, как падает со скалы вода, как перешёптываются листья. Ну, может быть, при этом ещё и посмаковать рюмочку чачи... или опрокинуть в себя пару стаканчиков ледящего Цинандали. А почему нет?

Ещё о звуках: в Аджарии разговаривают растения. Не верите? Погуляйте по Батумскому Ботаническому саду, основанному ещё в 1812 году. Сами услышите. Конечно, у каждого из растений – свой язык, и не всегда грузинский – понадобится переводчик. Нашим переводчиком был Юрий Бабаян из Агентства по развитию туризма *Batumi Ajara*. В языках растений он явно полиглот. Синхронно переведёт, о чём говорит любое из здешних деревьев, а их тут 25 тысяч видов – средиземноморских, южноамериканских, азиатских и даже

австралийских. И все шуршат о чём-то своем; возможно, о далекой родине или об этой доброй земле, где им довелось прижиться.

Австралийский эвкалипт, например, плотными своими листиками выстукивает воспоминание о том, как в советские времена в здешних колхозах с его помощью высушивали болота. Томная французская камелия будет вспоминать бабушкины байки про будуар и нежную грудь, вблизи которой она некогда красовалась. А свалившееся от урагана в 1985 году тюльпановое дерево (существует и такое!) – поделится своей любовью к местным травам и лианам, которые за эти годы, ласково опутав ствол, сроднились с ним.

РОДИНА ЗОЛОТОГО РУНА

Аджария, если кто-то не знает, – это та самая античная Колхида. Откуда золотое руно и всё, что с ним связано. Кстати, оно действительно могло быть реально золотым. В здешних реках в те легендарные времена намывали золото. Делалось это с помощью овечьей шкуры, которую прочно закрепляли на дне камнями – и ждали. Когда же шерстинки покрывались блестящими крупницами, руно вытаскивали и сжигали, выбирая среди золы крупницы золота. А если не сжигать? Овечья шкурка получалась позолоченной.

В местах, где стоит крепость Гонио-Апсарос, самая древняя на территории Грузии, жили колхи – древнее население Колхиды. Сохранились мощные крепостные стены – один

километр по периметру, построенные пришедшими сюда римлянами, которые, как водится, первое, что делали на новом месте, так это возводили крепость – обороняться от всех и всяческих врагов. Впрочем, никто никогда с боями эту крепость не взять не пытался. Но в XVI веке её довольно спокойно, без штурма заняли османы, достроив затем укрепления уже в своем стиле – с зубцами.

Когда-то тут были казармы, амфитеатр, ипподром – всё, как положено. Раскопки, ведущиеся с 1965 года, обнаружили множество любопытных артефактов. Так, в 1974 году в крепости нашли золотой клад III века до нашей эры: браслеты, кулоны, статуэтки бога колхов Диаскора.

Многим богам молились в этих краях. Пока не пришло в Аджарию, а отсюда и распространилось по всей Грузии христианство. Сначала от Андрея Первозванного, который в этих краях проповедовал. А уже потом царица Нино утвердила православие как государственную религию. И сегодня 87% населения страны – православные христиане.

СЪЕСТЬ ВСЁ – И ВЫЖИТЬ!

Это было историческое отступление: чтобы вы поняли, откуда «ноги растут». Теперь вернёмся к нашим органам чувств – а именно, к тому, чего вы, чувствую, давно от меня ждёте. К гастрономии.

Расхваливать грузинскую кухню – это, я бы сказал, задача для Капитана Очевидность: кто же не знает, что она са-

мобытна и волшебна?! Даже в ряду остальных закавказских гастрономических традиций. Но не сказать о ней?

Долму я ел в Азербайджане, в Грузии, в Армении. И сейчас начну – нет, не сравнивать, а сопоставлять (тем, кто заквашен на межнациональной ненависти, читать молча, но, по возможности, вдумчиво). Так вот, азербайджанская долма – маленькая и удлинённая, грузинская – крупная и тоже длинная, армянская – средняя и квадратная. Но всё это – долма! Завернутая в нежнейшие, свежесорванные листья: рвите в мае-июне, потом они станут грубыми. С сочным фаршем и острой кисломолочной приправой, которую, да, на разных языках называют по-разному, но сути это не меняет. Потому что в итоге, по результату, получается одна и та же, хоть и чуть различающаяся (составом фарша, в частности) вкуснейшая еда. А быть разными по форме имеют право и долма, и человек. Ох, если бы все межнациональные конфликты сводились к гастрономическим спорам по известной по кино модели «Это потому что у вас не умеют готовить долма»...

Впрочем, я увлекся: долма – не главное кушанье в Аджарии, хоть и готовить её тут умеют. А главное – это аджарские хачапури. Не однажды бывал в Грузии, а вот сколько тут сортов хачапури, до сих не понял. Потому что много. Но хороши-то все! Аджарские хачапури – особенные. Каждый из них вылепляют в форме некоей «ватрушки» с двумя ушками, заправляют в центр сулгуни и укладывают

в большую дровяную печь, температура в которой – сотни градусов. Недолго (не передержать!) запекают до образования тонкой хрустящей корочки. Вытаскивают, вычищают по «пазухам» недопеченное тесто, украшают яичным желтком и ещё на 2—3 минутки ставят в печку: чтобы яйцо чуть прихватилось, но не стало глазуньей. После чего «запеканку» сулугуни+желток тщательно перемешивают. И эту тонкую горячую булочку (булищу!) ты медленно начинаешь съедать. В профильном ресторане «Порто Франко» (так именовался Батуми в нобелевские времена), продемонстрировав, начиная с замеса теста, весь процесс, вам скажут: «Этот хачапури – средний. Приятного аппетита!» И вы поначалу наброситесь на него со всей присущей вам гурманской страстью. Ближе к середине, однако, задумаетесь, а какой же он тогда – большой, если этот – средний. А на финише ощутите: тяжело. Но вы непременно справитесь, и не только из желания не обидеть хозяев. Вкусно же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.